

18+

Иван Ленивцев

Бабушка и «Варшавянка»

Иван Ленивцев

Бабушка и «Варшавянка»

«Издательские решения»

Ленивцев И. Г.

Бабушка и «Варшавянка» / И. Г. Ленивцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985310-3

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В

новом романе прозаика из Советской Гавани перекрестились судьбы главных героев — старенькой бабушки, проживающей в маленьком рыбацком поселке, и подводной лодки проекта «Варшавянка», вышедшей в море для выполнения важного государственного задания. Оба прожили трудную и интересную жизнь, много чего повидали на своем веку. И вот они вторично встретились и, как оказалось, в последний раз.

ISBN 978-5-44-985310-3

© Ленивцев И. Г.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	16
5	23
6	37
7	52
8	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Бабушка и «Варшавянка»

Иван Григорьевич Ленивец

Марии Яковлевне посвящаю

© Иван Григорьевич Ленивец, 2020

ISBN 978-5-4498-5310-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

*Силы оставят тело мое —
И в соленую пыль брошу свой
Обессиленный и исстрадавшийся труп...*

В. Высоцкий

Огромный шар багрово-красного утреннего солнца, словно вынырнув из темных океанских глубин, медленно-медленно пополз на небо постепенно заливая живительно-розовым цветом и крутые сопки заросшими смолянистыми лиственницами, и скрытой от холодных ветров в уютной бухте небольшой городок, что птичьим гнездом прилепился на ее скалистых берегах. Игривые, золотисто-веселые лучики солнца принялись с любопытством шариться по его еще сонным улочкам, подступавшими серо-панельными пятиэтажками к самой воде.

В дальнем углу бухты, отгороженной от посторонних глаз высоким бетонным забором с колючей проволокой поверху, подставив восходящему солнцу мощные, изящно-округлые обводы корпусов, мирно и безмятежно дремали подводные лодки, издали больше похожие на сладостно спящих котят, нежно прижавшихся к пирсу, как к материнской груди, чем на грозных владык морских глубин.

Из всех лодок лишь одна не спала, бодрствовала. Ей было скучно, одиноко. Должно быть, чувствуя душевное состояние лодки, обычно игривые волны притихли и лишь изредка бережно лизали шершавые от ржавчины борта, будто боялись причинить боль, побеспокоить ее. Сама же лодка, похожая на постаревшую женщину, лежащую на пляже среди молодых подруг, с затаенной завистью поглядывала на их более привлекательные, более крутобедренные, лоснящиеся на солнце фигуры; затем, переведя взгляд на свое увядающее, но еще довольно-таки стройное тело, с грустью вздыхала: «Эх-ха-ха-ха! Время-времечко! А давно ли я была такой же молодой, красивой, беззаботной? И что со мной сейчас стало? Да что там об этом говорить, если честно, то об этом даже думать не хочется, зачем душу лишний раз травить, бередить? Надо трезво смотреть на вещи. Вот рядышком, отдыхают мои более молодые подруги, они недавно из „автономок“ вернулись. Устали, спят... А, как только проснутся, сразу гадать начнут, когда опять в океан уйдут. Вот, шустрячки! А, собственно, почему бы и нет – молодость по-своему и легкомысленна, и ветрена, и беспечна, но главное – счастлива. Да, счастлива... Они, конечно же, уйдут в океан, а что я? Я в этой мазутной бухте скоро забуду, чем пахнет – он: Великий и Тихий океан! Э-эх, где мои былые годы!»

Часовой у трапа с автоматом на плече, коротая долгие минуты вахты, то громко позевывал, то бубнил одни и те же слова, должно быть, из популярной у людей песни: «Упала шляпа, пропала шляпа, удрала шляпа... ля-ля-ля-ля...»

«Скучно бедняжке, наверное, по дому скучает, – пожалела было часового лодка, однако взглянув на расслабленных, безмятежно дремавших подруг, озлилась и на них, и на часового с его дурацкой шляпой. – Какая к черту шляпа?! Раззява! Терять не надо! Ну надо же, шляпу он потерял! Мне-то какое дело до твоей шляпы! Чтоб ей пусто было! – И лодка раздраженно закричала на всю акваторию бухты: – Я в океан хочу!! Слышите, в оке-а-а-ан!»

– Эй, железка, ты чего это орешь? – с недоумением, спросил проплывающий мимо замаченный ботинок, должно быть, выброшенный кем-то из матросов из-за ветхости.

– Тебе-то что до этого, нравится – и ору, – нелюбезно ответила лодка, но затем, чтобы не спугнуть вполне реального собеседника, миролюбиво повинулась: – Слышь, ботинок, ты на меня не обижайся, я не в настроении была, теперь вот прошло... Сам-то куда рулишь?

– Не знаю... плыву, куда глаза глядят, – неопределенно, сообщил о своем курсе ботинок.

– Понятно. Одному-то, небось, тошно? – попыталась разговорить замученного шнурка лодка.

– Ой, не говори, железка, до того тошно! А еще больше – обидно, прямо слов нет! Пока молод был, меня чистили-драили до солнечного блеска, по несколько раз в день. Представляешь?

– Представляю, у меня такая же проблема, – сочувственно ответила лодка.

– Вот-вот, проблема... Нет, ты представляешь, как только я немножко... ну совсем-совсем немножко поизносился, так сразу хозяину не нужен стал, променял он меня на молодого, со скрипом. Нет чтобы в десятый раз отремонтировать меня, в строй вернуть – за борт выбросил, да еще с такими обидными словами: «плыви, рваньё зубастое». Так прямо и сказал: рваньё! Ты на меня посмотри, ну какое я рваньё, я бы еще мог... – Возмущенный ботинок, через дыру в носке хлебнув воды, едва не пошел на дно. – Тьфу, зар-раза соленая! Да еще разбавленное мазутом, черт бы его побрал! Слышь, длинноносая, ты что ли, напустила в бухту этой гадости вонючей, прямо дышать нечем?

– Что ты сказал? Я, гадости вонючей? С чего ты взял? – спросила лодка, слегка обидевшись за «длинноносую». —Слышь, шнурок, ты глазенки-то пошире разуй, посмотри, сколько лодок в бухте... Куда смотришь, вон туда гляди!

– Да вижу, вижу, не слепой, – ответил ботинок, и ехидно скривился. —Тю-ю! Так, они же атомные все, говорят, от них вреда нет, а вот от тебя... Ты же у нас в бухте единственная мазутная «дизелюха».

– Ну и что? Ты на что намекаешь, подкидывш?! – искренне возмутилась лодка. – Нет, ну ты и пенек малограмотный! Да если хочешь знать, эти твои атомные – самые наивреднейшие как для людей, так и для природы! Самые, самые что ни на есть наихудшие! Вот! А насчет меня – сплетни, пустое наговаривают, от зависти. Нет, я не спорю, я единственная в соединении дизель-электрическая подводная лодка проекта... Стоп, стоп! Чего это я перед всяким-разным посторонним оправдываюсь. Извини, ботинок, я бы могла тебе о себе многое рассказать, но не могу, сам пойми – военная тайна.

– А-ах! Какие мы все из себя секретные, прямо спасу нет! – ехидничая закривлялся, явно нарываясь на конфликт, ботинок. – Ой, не могу! Да любой в городе шнурок знает твои тайны-секреты! Ты – лодка проекта «Варшавянка», еще первого проекта, вооружена шестью торпедными аппаратами, можешь сдуру нырнуть на глубину до трехсот метров, гоняешь со скоростью восемнадцать узлов... Продолжить, или не стоит? Я думаю, не стоит, это сейчас не главное. Главное – в другом. Говорят, ты солярку или мазут – не вижу разницы – жрешь, как молодой матросик-салажонок кашу перловку по утрам, да еще и добавку просишь. А я сейчас этот твой мазут вынужден глотать. Так что, не надо меня переубеждать, это именно ты одна виновата во всех экологических бедах нашей несчастной бухты! Ты – старая «дизелюха»! От тебя вреда больше, чем от всех атомных вместе взятых! Понятно?

– А-ах! Ах ты рвань!! – полным гнева голосом, закричала на глупый ботинок лодка. – Я виновата! От меня все беды, да?! Дурак зубастый! Да ты просто спятил!!

Забыв про пропавшую шляпу часовой, сдернув автомат с плеча, с тревогой огляделся по сторонам.

– Прежде чем мутить воду, оглянись по сторонам. Вон туда смотри! Видишь, те дырки в причальных стенках? Знаешь, что это? Это допотопные очистные сооружения, наверное, времен русско-японской войны. Через них все нечистоты человеческие сливаются прямоком в воды бухты. И мы их глотаем: и я, и ты, и все-все-все! Поэтому не надо на меня волну гнать, одну меня во всех смертных грехах обвинять, понятно тебе? Тоже мне, природоохранный прокурор нашелся! Умник нашелся! Пока по земле да по палубе топал как слепой, ничего не замечал, а как в мою среду окунулся, так сразу принимаиваться принялся, воду на зубок пробовать, виноватых искать, права качать, глотку драть в защиту природы... эколог недоношенный! –

«Варшавянка», словесно пнула обидчика. – Так что, не надо бездоказательно меня обвинять... И безответственно, – добавила она, затем, с малой долей вины, сказала: – Нет, я, конечно, не без греха, однако и меня понять можно, и даже нужно; я уже столько лет без капитального ремонта, у меня давно уже сальники прохудились, прокладки подтекают... Э-э, да что я тут перед каждым встречным-поперечным оправдываюсь, не нравится в бухте – вали в Тихий океан, там вода почище.

– К-куда? В океан?! Да ты что, железяка, сдурела?! – испуганно шарахнулся от лодки ботинок. – Говорят, там такие чудовища морские водятся, враз проглотят и размера не спросят.

– Кого – тебя? Проглотят? Ой, не могу, ой, держите меня! – развеселилась «Варшавянка». – Ты на себя оглянись: подошва на трех гвоздях, даже шнурков не осталось! Рылом не вышел, рвань забортная, кому ты в океане нужен, последняя ракушка тобой побрезгует, понял? Так что, не смейся мою корму, гребки к берегу, а то ненароком вдруг потонешь, а меня обвинят...

– И погребу, погребу... – мстительно прошипел ботинок, с силой отталкиваясь от ржавого борта лодки и беря курс на ближайшие камни. – А ты... ты знаешь, кто? Ты старуха мазутная... я слышал, тебя скоро на гвозди потащат... на буксире, как миленькую поволокут на Морское кладбище...

– Что-о-о?! А ну, повтори, что ты сказал! Меня – на гвозди?! Ах ты, дрянь беззубая, ну я тебя сейчас прочу... – обозленная лодка погнала волну, однако ботинок уже шустро вскарабкался на камень.

2

Природа в настоящее время вытворяет бог знает что – и человек ей не указ. Вот и вчера под вечер, тайфун налетел как обычно неожиданно-негаданно – и, понеслось: в одно мгновение и земля, и небо, и море смешались в адском водовороте, подобно злейшим врагам они схватились между собой в обезумевшей схватке не на жизнь – насмерть, не зная ни жалости, ни милосердия и, даже не прося пощады. Ураганной силы удар обрушился на это вечно туманное, каменистое побережье, столь не любимое моряками проходивших мимо судов и кораблей; обрушился – и начал дьявольскую работу, конечный результат которой был известен, наверное, лишь одному богу. Сумасшедший ветер легко, будто играючи, валил вековые лиственницы, тщетно пытающиеся зацепиться корнями за тонкий слой здешней земли; он с яростью нападавал на крыши домов, рвал с них шифер, железо, толь как бумагу – рвал, и с диким хохотом подбрасывая их вверх, оглашал окрестности устрашающим грохотом. Затем принимался валить столбы с проводами как гнилые грибы, обрушивался на лежащие на берегу лодки, легко и беззастенчиво переворачивая их; и, наконец, добравшись до копенек заготовленного сена, остервенело накидывался на них, бесстыдно задирает брезент, уносил его невесть как далеко, а само сено разбрасывал куда попало. А море напоминало кипящий котел, белогривые, точно обезумевшие волны раз за разом упорно и настойчиво обрушивались на, казалось бы, беспомощный берег, словно мстя ему за какую-то давнюю, но не забытую обиду; однако разбившись о неприступную твердь берегового гранита злобно шипящей пеной, они с оглушительным стоном откатывались назад, чтобы снова и снова нанести врагу еще более сильный, более сокрушительный удар. И ко всему этому, еще и проливной дождь с яростью голодных волков, набрасывался на все живое, осмелившееся выйти из укрытия.

Если мягко сказать, то погодка была – дрянь. Небольшой рыбацкий поселок, состоящий из двух десятков деревянных бараков довоенной постройки, лежащий на берегу небольшой подковообразной бухты, испуганно притих, затаился, должно быть, моля бога, чтобы тайфун побыстрее ушел в сторону Охотского моря, чтобы он успокоился, затих наконец. Кромешная мгла вороненым крылом накрыла и бухту, и поселок.

И лишь только одно окно мрачного приземистого барака, тускло мерцало, как бы бросая вызов непроглядной тьме. У окна, на разохшейся скрипучей табуретке, накинув на сухонькие, костистые плечики облезлый, должно быть, когда-то пуховый платок, сидела старушка. Было слышно, как она пела, или нет – скорее просто повторяла незатейливые слова из какой-то песни.

Каким ты был, таким ты и остался

Орел степной, казак лихой...

Позади старушки, весело потрескивая сухими дровишками, жарко гудела побеленная известью печь с металлической дверкой. Слабый свет от стоящей на подоконнике керосиновой лампы, едва-едва освещал небольшую комнатенку с нехитрой мебелью: грубо сколоченный дощатый стол под синенькой клеенкой, тумбочку со старым, еще советским телевизором «Рекорд», железную, похоже – армейскую кровать, на которой, кажется, кто-то спал; и что уж совсем необычно – небольшой японский холодильник «Тошиба», неизвестно каким ветром сюда занесенный и, наверняка, чувствующий себя здесь если не одиноким, то уж точно лишним.

Должно быть, повторив слова песни до конца, старушка повернула желтовато-малиновое от света лампы морщинистое личико на стене висевшие старые, сонно-тикающие часы-ходики с увесистой гирькой на металлической цепочке: время, едва-едва перевалило за полночь. «Охо-хо-хо!» – протяжно вздохнув, она снова тихонечко затянула песню:

В одном, одном я только виновата —
Что нету сил тебя забыть.
Орел степной, казак лихой...

Однако, пора уже познакомиться со старушкой. Звать ее – Мария, отчество – Яковлевна. Фамилия пусть останется неизвестной, так сказать, для женской тайны. В поселке ее звали просто: баба Маня. В отличие от знаменитых ныне на всю страну телевизионных женщин малоопытных профессий, типа бизнес-леди, бизнес-вумен и прочих светских львиц и «шпагатниц», наша баба Маня всю жизнь была настоящей труженицей. Просто труженицей, что, конечно же, понизит интерес к ней у некоторой части читателей, однако – это не шибко обидит нашу героиню, потому как было время, когда и она была знаменитой, и ее имя гремело по всему побережью, как Маня-бригадирша ставного невода, рекордсменка по вылову рыбы. В свое время была она и передовиком производства, и победителем пятилеток, ну и прочих весьма достойных ранее званий. Все было.

Сколько ей сейчас лет – никто точно не знал, а сама она об этом предпочитала не распространяться, как, впрочем, всякая уважающая себя женщина. Вот и давали ей кто за семьдесят, кто за восемьдесят, а кто-то даже за девяносто – у кого на сколько хватало фантазии. Однако, не смотря на весьма преклонные годы, баба Маня была крепкой, как ствол старой высохшей лиственницы, по которому стукни обухом топора – враз зазвенит громко, пронзительно, молодо.

Особенно поражали всех ее руки: крупные, узловатые, сильные, как у молотобойца. Эти руки привыкли к неженской работе, или как у нас ее в народе называют – конской. Они познали и черенок лопаты, и тяжесть сохи, и кажущуюся монотонность косы, они легко ворочали пятипудовые мешки с зерном, жилисто тянули переполненный рыбой невод, разгружали вагоны с тяжелой солью, ворочали, казалось бы, неподъемные бочки с тихоокеанской сельдью. Руки-тудяги.

А как хорошо знали ударную тяжесть этих женских рук буйные, во хмелю драчливые поселковые мужики. Побаивались, и, будучи крепенько выпивши, старались обойти грозную бригадиршу самой дальней тропкой, желательно под прикрытием кустиков погуще. Но уж тех, кто крупно нарывался, кто буром пер, пытаясь показать свой гонор, свое мужское «я» – тех она не жалела, вправляла мозги, успокаивала по-своему, то есть – так хватала мосластым, как копыто, кулаком, что провинившийся смельчак или сгребал пыль с местных каменистых дорог, или пересчитывал ребрами все до единой ступеньки крыльца. А что вы хотите, с нашими мужиками иначе нельзя, мужик-он силу уважает, боли боится.

Особенно безжалостно крепко была бригадирша тех, кто забивал жен своих и деток малых. Била, да еще и приговаривала: «Что, больно? А ты, паря, не распускай рук, они тебе для чего даны, жену бить, да? Нет, голубь ты мой сизокрылый, тебе богом руки дадены работать, жену ласкать, детишек по головке гладить». А тем, кто по доброте своей слезливой начинал жалеть «обиженного» бригадиршей, отвечала убедительно просто: «Тихо, бабоньки! Ничегошеньки с ним не будет, бог любит пьяных да малых. Отлежится, да на своих двоих домой пойдет». И действительно, никто из пострадавших от ее руки семейных дебоширов в физической немощи замечен не был, морально – возможно, и такие были, но разве они признаются. Поутру, протрезвев, наказанные бригадиршей семейные хулиганы, не приходили – прибежали к ней домой и, пряча глазенки в пол, добродушно подсмеиваясь над собой, мол, ой, какой я дурак был вчера, начинали смиренно каяться, бить себя в грудь, просить прощения: «Баб Мань, ты это, ты тово-самое, ты уж прости меня, дурака, по глупости я, спьяну... обещаю больше не повторить... не сойти мне с этого места...» – клялись, божились, потирая ушибленные ребра. Не повторится больше! Ой ли! Свежо придание! Мужики, за редким исключением, да что там за редким – редчайшим, обещаний своих не выполняли, ну, а если и ходили дома

по струнке, то до первой полочки или до первого глотка-глочка: известно – мужики народ легкомысленный, пока их петух в задницу не клюнет, пить не бросят... не-ет, не бросят, заразы!

Ну, да бог с ними, с мужиками, тем более, что с ними все понятно: мужик – он и есть мужик, куда ж бабе без него, впрочем, о них речь впереди. Вернемся к бабе Мане.

Посмотришь на нее со стороны: ну старуха и есть старуха, так и хочется сказать, что старость – не радость. Это когда издалека. А стоит подойти поближе да заглянуть ей в глаза, как все тотчас забудется: и паутиной морщинистое личико, и дряблая шея, и редкие седые волосы – перед вами будто совершенно другой человек с глазами небесно-голубого цвета, лишь слегка посветлевшими под натиском прожитых лет. Из всего сказанного получается, что главное у человека не его тело, ноги, лицо, главное – глаза! Можно, конечно, поспорить: какие еще глаза, в ее-то возрасте? Но, думаю, что этого не надо делать, просто посмотрите ей в глаза – и вы увидите, как они смотрят на вас тепло, доброжелательно, искренне; а если старушка ко всему прочему еще и улыбнется, то, думаю, что у вас так на душе полегчает, что и жить захочется долго, бесконечно долго, и не только жить, но и творить добрые дела.

Должно быть, именно поэтому шли к ней люди со своими радостями, а еще больше – с бедами, горестями – и, для каждого у нее находилось и доброе слово, и слово утешения. После общения с бабой Маней куда-то уходили и злоба, и ненависть, и зависть – и людям начиналось казаться, что весь окружающий их мир соткан исключительно только из добра, ибо невозможно жить на земле, где правит одно зло. Остается только сожалеть, что в наступившем веке таких людей, как наша бабушка, остается все меньше и меньше. По телевизору часто слышно: «у нас сейчас рождается и воспитывается новая формация людей». Вот-вот, именно формация! Одно непонятно: что это такое? Еще, от себя добавлю: если кому-то неинтересна судьба старушки, то ему лучше покинуть эти страницы, потому как очевидно, что нынешнее поколение любит читать-смотреть ужастики-страшилки, чем интересоваться жизнью, судьбой простого человека.

3

«Варшавянка» опять заскучала. Часовой у трапа, неприкаянно бродя по пирсу, по-прежнему горланил дурацкую песенку про невесту куда пропавшую шляпу. Далась ему эта шляпа! Скорее бы его убрали, может, песенный репертуар поменяется. Внутри лодки осталась только вахта, да и та, скорее всего, занимается бог знает чем. Наверное, дрыхнет без задних ног – вот чем. Надо и ей – лодке чем-то заняться. Известно, чем! Оставшись без действенного надзора, а вернее – от нечего делать, «Варшавянка» принялась хулиганить, если можно так выразиться: самовольно выдвинув перископ, она хозяйским взглядом прошлась по улицам военного городка, затем, включив лодочную акустику, едва не оглохла от какофонии городских шумов. О-о! И как только люди выдерживают весь этот грохот?

Конечно, будь командир на месте, он бы тотчас, в самой жесткой форме пресек самоуправство лодки, однако в настоящий момент он находился в отпуске. Слово-то какое хитрое – отпуск. Интересно, что он делает в этом своем отпуске? Ну-ка, ну-ка... И, любопытный глаз перископа двинулся по уже известному лодке адресу, к командирскому дому... О-па! У подъезда – штабной уазик. К кому это он? Никак к командиру? Становится все интереснее и интереснее. Ну-ка, ну-ка заглянем... Вскоре глазок перископа уткнулся в командирское окно, а эхолот виртуозно проник через пластиковое окно внутрь квартиры.

– Товарищ капитан второго ранга! Вас срочно вызывают к командующему базой! Сказали – срочно! Машина у подъезда.

– Понятно. Спасибо, старшина. Подождите меня в машине... – услышала лодка и подумала: нечасто адмирал вызывает к себе командира, да еще чтобы срочно. Должна быть веская причина... Причина! А вдруг ей срочно придется выйти в море? Ох, хорошо бы!

«Варшавянка» оглядела командира – не изменился ли он в отпуске. Вроде, нет, все так же строен, широк в плечах, что, впрочем, не мешает ему ужом скользить по лодочным трапам. А вот в лице похудел, вон как скулы резко обозначились – худобу под мундиром не спрячешь.

Заторопился командир. Как молодой матросик, спешно сбросив с себя спортивное трико, быстро облачился в форменный мундир. При этом вслух сам с собой разговаривает. «Зачем я понадобился адмиралу, я же в официальном отпуске? Может, на лодке случилось что-то чрезвычайное? Да нет, все было нормально, утром старпом звонил, докладывал по привычке, мол, служба идет согласно плановому расписанию без каких-либо серьезных чрезвычайных происшествий... Тьфу! тьфу! тьфу! на них!.. К тому же, экипаж затеял на лодке кое-какой мелкий ремонт своими силами. Молодец старпом, старается... Так что, остается одно – выход в море. Срочный, внеплановый выход! Возможны, большие учения. Интересно, меня одного вызвали или командиров других лодок – тоже? Впрочем, как бы там ни было, к черту отпуск! Вот и отлично! Все равно за две недели отпуска ничего путного не сделал: ни мало-мальского ремонта в виде поклейки обоев и замены плитки в ванной, ни на рыбалку не сбегал, ни книгу интересную не почитал – абсолютно ничего, что намечал не выполнил. А почему? Почему-у?!»

Одевшись, командир подошел к большому зеркалу и, бесцельно крутя в руках черную морскую фуражку с серебристым крабом, продолжил мысли, но уже про себя. Однако лодка, зная командира, как свои шесть отсеков, легко читала его мысли.

«Почему, в чем причина? Глупо, конечно, спрашивать у самого себя об этом, однако причина проста, как дважды два – четыре. От меня ушла жена. Да-да, взяла и ушла, вернее, не ушла – уехала в славный град Петра, в Санкт-Петербург. Какая разница – ушла, уехала, оставила, кинула, бросила! Вот именно, бросила! И раскис я, как снег в апреле, как половая тряпка скис! А еще – командир подводной лодки! Слюнтяй я, а не боевой командир! Позорище! Ну что, полегчало от самобичевания? Тогда хватит ныть, берем себя в руки и с легким сердцем идем сначала к начальству „на ковер“, а затем – к подчиненным. Никому не обязательно знать

о моих семейных проблемах. Никому – и точка! Так, где мой походный чемоданчик? Ага, вот он, как пионер, всегда готов. Проверим... Полотенце, бритва, зубная щетка, паста... Что бы еще не забыть? О-о! Цветы не полил! Е-мое! Поздно, машина внизу ждет, придется соседку попросить. Так, что еще? Холодильник отключить. Зачем? Может, обратно вернусь. А если нет? Отключить, все равно он пуст. Ну вот, кажется, и все...»

Командир напоследок оглянулся... Комната выглядела пустой, по-холостяцки запущенной и даже, будто нежилой. Он закрыл дверь на ключ, позвонил соседке. Раздался хрип заповров, щелканье замков, недовольное бурчание: «Кого там еще носит?» – и из-за двери выглянула хмурая физиономия женщины. Увидев соседа, она прямо-таки засияла от радости.

– Ой, Вадик! Ты ли это? А я-то черте что подумала! Извини, не признала, богатым будешь. О-о! да ты в форме! Давненько я тебя в ней не видела. К лицу она тебе, прямо красавец ты в ней, ей-богу, красавец! А я тебя, в последнее время, что-то не вижу и не вижу! Где ты пропадаешь? Наверное, на своей лодке, да? Ой, о чем это я, говорят, ты в отпуске. Отдыхаешь, да? Господи, а исхудал-то-то как, поди испереживался, бедняжка! – всплеснула полными руками соседка. – Зря ты так, не стоит она того... Ой, да что ж это мы на пороге стоим, заходи, Вадик, заходи, одна я дома... – Не закрывая пухлого ротика, соседка широко распахнула дверь.

«Варшавянка» недовольно заворочала перископом – эта назойливая бестактная бабенка в пестром выцветшем халатике, действовала ей на нервы. Ну, что ты жгучей медузой к человеку прицепилась, его сам адмирал к себе требует, притом – срочно. Командир, да пошли ты ее за самый дальний горизонт или, как выражается боцман, к такой-то матери.

– Татьяна Николаевна, вы уж извините меня, что побеспокоил; зайду я к вам, обязательно загляну... в другой раз. Сейчас не могу – срочно вызвали в штаб, так что еще раз извините. У меня к вам небольшая просьба: можно я у вас свои ключи оставлю, так, на всякий случай, вдруг моя Вика вернется... ну, вы понимаете.

– Да, да, Вадик, я все, все понимаю! – закивала нечесаной головкой соседка.

– И если вас не затруднит, то полейте, пожалуйста, цветы, а то, боюсь, засохнут, – вновь попросил командир, стыдливо отводя взгляд от откровенно распахнутого халатика женщины.

– Конечно, конечно Вадик, о чем разговор! Полью, сейчас же пойду и полью, – торопливо пообещала соседка. – А что, неужели тебя опять в море посылают? Ладно, ладно, можешь не отвечать, я и так вижу, что в море. Поди, рад? Ох, уж эти мне мужики, так и норовят сбегать на свои кораблики, спихнув на хрупкие женские плечики всю бытовую тяжесть... – И она игриво повела отнюдь не хрупкими плечиками, еще и шутивно погрозив командиру наманикюренным пальчиком, мол, знаю я вас, мужиков, говорит, что на корабль идете, а сами...

– Извините, Татьяна Николаевна, меня машина внизу ждет, – попытался было улизнуть командир, но соседка вроде как слегка, но на самом деле цепко попрдержала его за рукав кителя. «Варшавянка» поняла, что ей, по-видимому, скучно одной дома, и она не прочь еще поболтать.

– Машина? А-а, машина! Да, да, понимаю, мой тоже где-то в море болтается. Вадик, всего один вопрос, можно? – Глаза соседки были полны жгучего любопытства. – Твоя Вика вернется?

«Варшавянка» видела, что командиру, ой как не хочется отвечать на бестактно-глупый вопрос, однако в то же время он боится обидеть эту назойливую женщину. Она же, приняв его молчание за отказ говорить, всплеснула полными руками.

– Ой, да что ж это я, бестолочь такая, о Вике спрашиваю! Вадим, ты уж прости меня глупую, баба, она и есть баба. У нас что в голове, то и на языке, мы все по жизни такие болтушки! Иди спокойно в море, а за квартиру не беспокойся, я пригляжу. И за Вику не переживай, покрутит хвостом, побегает-побегает, а когда перебесится, то на ту же задницу и сядет! Сядет, сядет, куда она денется, как говорится, вместе тошно, а порознь еще хуже. Уж не сомневайся, по себе знаю, сама несколько раз от своего уходила...

– Татьяна Николаевна, еще раз извините, слышите, шофер сигналит? – должно быть, соврал командир, потому как «Варшавянка» кроме болтовни этой женщины-трещотки, других звуков не слышала. И командир, деликатно освободив руку из цепкого захвата соседки, запрыгал через две ступеньки вниз.

«Фу-у! Вот липучка мухоловчатая! – осудила лодка говорливую соседку. – Вцепилась в командира, будто самонаводящаяся торпеда в корабль, едва он от нее оторвался. Ну и народец, эти женщины!»

Сама же соседка, закрыв дверь и взясь с запорами, громко рассуждала: «Кажется, обиделся на меня Вадик. А зря, зря, я же хотела, как лучше, поддержать его хотела, успокоить, ведь сам не свой он, даже похудел из-за этой, прости господи, вертихвостки. Мужики против нас, баб, морально слабоваты, за ними глаз да глаз нужен, того и гляди – не в ту сторону уйдут. Вадим хоть и мужик что надо, а вдруг... горькую запьет, сопьется вдруг. Мало ли как в жизни бывает. И Вика хороша, дура! Такого мужика бросила! Да она ему в подметки не годится, а видишь ли... гордая! Сбежала, бросила! Ну и скатертью дорожка! Дура! За таких мужиков надо двумя руками держаться и ни на минуту их не выпускать. Симпатичный, стройный, а вежливый какой, обходительный. К тому же, не пьет, не курит. Вон мой смолит на кухне, как кочегарка зимой, не продохнуть. А расходы какие от этих сигарет! Бывало, замечание сделаешь – того и гляди в лоб получишь... Сбежала она, тоже мне – фифа столичная! Красавица писаная! Тьфу! Тошная, как эта дверная ручка! Скучно ей здесь, видите ли, театры ей подавай, рестораны с фонтаном! И почему такие спицы мужикам нравятся? И-их! Сбросить бы мне годков десять, я бы с Вадиком закрутила романчик, ей-богу бы его охомутала! Хочется, чего-то такого... романтического хочется, необычного, возвышенного! Ох, и дура же я, ну и дура! Зачем за военного выскочила, сиди теперь в четырех стенах, как в клетке, хоть кукуй, хоть пой, хоть вой...» – И, недовольно бурча под нос, разговорчивая соседка удалилась куда-то в свои покои, а «Варшавянка» закрутила перископом в поисках командира. Ага, вот он где!

Запыленный узик стоял у подъезда. Старшина с матросом-водителем о чем-то оживленно болтали. Командир выскочил из подъезда.

– Товарищ капитан второго ранга, садитесь вперед, – спохватился старшина, на что командир, махнув рукой, ответил:

– Сиди, старшина. Мне без разницы, где сидеть. Ну что, поехали...

Вскоре, зеленого цвета узик, пьяно завиял в сторону города осторожно объезжая многочисленные колдобины на разбитой дороге. И уже ей – лодке с красивым женским именем «Варшавянка», пришлось потрудиться, чтобы не потерять зрительно своего командира, который сидя на заднем сиденье, о чем-то напряженно думал. О чем? Да хоть, о чем он мог думать, но в первую очередь понятно, что о ней – о своей лодке, которая была для него вторым домом, а в последнее время – и, кажется, единственным. Впрочем, чего гадать, подумала лодка, лучше проследить за мыслями командира. И вот то она услышала.

«Все-таки, зачем я понадобился адмиралу? А действительно, зачем? Думаю – и не могу взять в толк: ну, зачем? На лодке все нормально, моя семейная жизнь никого не должна касаться, остается лишь одно – предстоит выход в море. Вопрос: когда? Да какая разница, когда? Главное, бы здорово выйти в море! Уйти в океан, чтобы полной грудью вдохнуть свежий морской воздух, чтобы увидеть, как резвятся дельфины, как над твоей головой плачут чайки, эти вечные спутники моряков... Господи, какие дельфины, какие чайки – меня бросила жена, я остался один-одинешенек, сирота я, сирота!»

Машину сильно тряхнуло. Командир открыл глаза – перед ним покачивались два стриженных матросских затылка. Он потряс головой, будто вспоминая, о чем размышлял.

«Забыть все как страшный сон и, побыстрее бы уйти в море! Уйти от пыльной, душной, ставшей такой неприветливой земли! Уйти, чтобы не видеть творящегося в стране бардака, не видеть всей грязи, подлости земной жизни, не наблюдать самодовольных рож зажавшихся

дельцов на шикарных японских джипах, не сталкиваться каждый день на улицах, в подъездах с опухшими физиономиями местных бомжей, пьяниц, не видеть голодные глаза ребятишек, выпрашивающих на хлебушек возле булочной, а главное – наконец уйти от своей несостоявшейся семейной жизни и последующей за ней тоски, хандры, отчаяния. Уйти далеко-далеко-далеко! Уйти... чтобы вернуться! Ведь корабли должны возвращаться к родным берегам, к своему пирсу, а моряки – к семейному очагу. Только вот где он сейчас, мой семейный очаг? Разрушен, нет его... Эх, Вика, Вика, что же ты наделала? Я же тебя так любил! Люблю! И буду любить! Слышишь – буду-у-у!»

«Варшавянка», чтобы не видеть горестное лицо командира, на пару секунд отвела взгляд от перископа. Старшина с матросом-водителем недоуменно переглянулись – в громком возгласе офицера, оба услышали обнаженную боль, отчаяние и еще что-то такое, чего они, по своей молодости, не могли понять.

Переживающее вздохнув, лодка опять заглянула в перископ. Кажется, командир, как говорят люди, ударился в молодость. Вот он, будто наяву, видит себя совсем молоденьким курсантом военно-морского училища подводного плавания, а бросившую его Вику – юной студенткой консерватории, и самой-самой красивой девушкой на свете. Все у них было: и прогулки по Невскому, и белые ночи, и развод мостов, и первый робкий поцелуй, и жаркие объятия. Им тогда казалось, что нет на всем-всем белом свете никого, кроме их двоих: только он, и она! И еще была огромная, светлая, ничем не замутненная любовь! И, даже неземная. Он и сейчас будто откуда-то издалека слышит ее трепетно робкий вопрос: «Вадик, ты меня любишь?» И его немислимо громкий, на весь город ответ: «Да-а! Я люблю тебя, слышишь, люблю-ю-ю!!!» Разве думали они тогда, что от той далекой, казалось бы, такой неразлучной, монолитной любви, даже можно сказать – счастливой любви! – останется одна записка на столе с коротеньким, но таким выразительно неизбежным словом: «Прости». Одно единственное слово, вроде такое простенькое, но как с ним жить? Жить – и кого винить в случившемся? Себя? Вику? Или обоих? И куда девать эти ежедневные навязчивые мысли, словно поселившиеся в голове? Куда? Их не выбросишь, как накопившийся мусор, и не забудешь, как незначительный, мимолетный эпизод, они всегда с тобой. Так что, самое лучшее сейчас – это уйти в океан, спрятаться на глубине, затаиться, забыть, выбросить из головы. Спрятаться, забыть... Глупо все это, как-то по-детски, ни в какой толще воды не спрятаться от тягостных воспоминаний... нет, не спрятаться...»

«Варшавянка» услышала, как, стукнув кулаком о колено, командир обругал себя: «Мальчишка! Слабак! Расклеился, точно истеричка! Кончай, слышишь! В конце концов, ты командир подводной лодки, а не «Ромео» с гитарой! Вот уйду в море, и все у меня наладится, потому как рядом будут знакомые лица сослуживцев, крепкий запах мужского пота, а главное – со мной будет моя любимая «Варшавянка»!

Будь у лодки слезы, она бы, наверное, заплакала от жалости к командиру, но так как «Варшавянка» была из высококачественной стали, то всего лишь поблагодарила командира за добрые слова о себе. «Спасибо, командир», – тихо прошептала лодка и, увидев, что машина с командиром исчезла за углом пятиэтажного дома, решила на время вернуться к пирсу, где и услышала знакомое...

4

«Упала шляпа, пропала шляпа... ля-ля-ля...» – Все так же, как и раньше, громко орал и топал по бетонке пирса тот же часовой-шляпник, должно быть, с нетерпением ожидая смену караула. «Ну, артист! Когда ж его сменят? – с неприязнью глядя на своего охранника с автоматом, раздраженно подумала лодка. – Достал он меня этой шляпой! Упала и пропала – ну и хрен с ней, как говорит, боцман Петрович. Пропала – купи новую, делов-то. Ну, люди! Из рядовой пропажи целую трагедию сочинят. Сочинители! Сходили бы разок со мной в океан – вот где простор для сочинений. На север пошли бы, к острову Врангеля – смотри, сочини про белых медведей, про полярное сияние, про коварные льдины; спустились бы к югу – пиши, выдумывай про коралловые острова, обжигающее солнце, пальмы-кокосы. А он все: шляпа, шляпа! Какие-то глупые у людей песни, неужели нельзя ничего умнее придумать? Кто-то где-то насочинял всякую белиберду, а этот балбес с автоматом почти два часа меня мучает пропавшей шляпой». – «Варшавянка» накинулась было на часового, однако затем сменила гнев на милость. – Чего это я, дура старая, к парню прицепилась, он, что ли, эту дурацкую песню придумал, ну, конечно же, нет, он всего лишь исполнитель. Просто скучно ему, домой, наверное, хочется, к маме, к папе. А что, нормальное желание, мне же тоже в море хочется, ой как хочется. Так бы и закричала на всю бухту: «Я в море хочу! Хочу, хочу, хочу!»

И «Варшавянка», оставив в покое горластого часового, ударились в воспоминания. А почему бы и нет, время на это у нее есть.

«Да, было время, и я когда-то молодой, красивой, шустрой была! Ну прямо спасу нет, какой шустрой! – таким емким выражением, иногда брюзжит старпом. А как я ныряла, как ныряла! Куда там до меня дельфинам и прочим кашалотообразным! Бывало, нырнешь на запредельную глубину – аж дух захватывает! – и ты каждым швом ощущаешь, как нервно потрескивает корпус, как он прогибается от свирепого давления многотонной массы воды и, кажется, что все живое вокруг замирает от ужаса, и лишь одной мне не было страшно, скорее – весело. Глупая была, все мне было нипочем, и ничего меня особо не тревожило: ни страх морских глубин, ни жуткий арктический холод, ни обжигающая корпус тропическая жара, ни бессонные дни и ночи – абсолютно ничего, жизнь казалась легкой, безоблачной, вечной. Слово-то какое звучное: вечность!»

А как меня люди любили, как любили! И я их любила, и по сей день продолжаю любить. Все, что делала, я делала ради людей, ради их жизней! Я беспрекословно подчинялась воле человека, подчинялась его разуму, его твердой руке, его амбициям, прихотям, наконец. А если уж быть до конца честной, то именно человек нещадно эксплуатировал меня, часто заставляя работать на пределе сил и возможностей, а то и вовсе на износ. Это его безжалостная рука швыряла меня на такие глубины, где меня могло разорвать, как перегоревшую лампочку, бросить на скалистое дно бесформенной грудой железа; это, беспощадный приказ человека заставлял меня смело, а временами – и авантюрно бросаться в самые, казалось бы, безумные, но такие стремительные подводные атаки на врага и, горе было тому, кто вставал у меня на пути – мои смертоносные торпеды всегда достигали намеченной цели... ну, почти всегда. Так что, не зря меня называли, и по сей день называют грозой морей и океанов. И это не хвастовство поставившей лодки – это реальность, закономерный результат моих стараний, усилий, наконец – моего таланта. Ну и, соответственно, ежедневные бесчисленные тренировки всего экипажа. Вот видите, я не жадная, честно делюсь славой своих побед с человеком.

А если кто-то думает, что мой боевой путь – сплошь увлекательные прогулки в Арктику или жаркие тропики, то он глубоко ошибается. В моей жизни случалось разное, и не все было так ровно и не так гладко, как хотелось бы. Иногда мне приходилось удирать, прятаться и даже молиться людскому богу, во спасение свое. Всякое было... По молодости, ох и шкодли-

вая я была! Бывало, спрячешься в самой толще воды и потихоньку, потихоньку прокрадешься к чужим, враждебно-молчаливым берегам, осторожненько поднимешь перископ – и вот, уже совсем-совсем близко видишь другую чем у нас, жизнь: упирающиеся в небо высоченные дома, ярко горящие надписи на непонятном языке, стрелой пронесшиеся скоростные поезда, там даже автомобильные фары светят по-другому – ярче, зазывающее, маняще. Одним словом – заграница... будь она неладна! Насмотришься на эту слащавую иностранщину, вспомнишь родной пирс – и, так домой захочется, прямо спасу нет. Домой, домой рвешься! Конечно, не в прямом смысле, а осторожненько, осторожненько поворачиваешь назад, в океан, чтобы раствориться в его толще. Легко сказать – раствориться, бывало, не так-то просто это было сделать: невесть откуда, прямо-таки голодной акульей стаей на тебя вдруг наваливались противолодочные корабли, поддерживаемые сверху вертолетами и самолетами. И для меня наступал, как говорят люди, чистой воды ад! Тебя обкладывают со всех сторон противолодочными буями, точь-в-точь как судовой кок-повар окружает капканами появившуюся на камбузе мышь; любое твое движение стерегут, ловят каждый твой вдох-выдох, требуя лишь одного: всплыть! А всплыть – это значит сдаться на милость победителя. Для меня это позор, потому как победитель был всегда один, и это – я! Вот потому-то мой ответ врагам всегда был краток, как кончик у судового колокола: да пошли вы!.. Этому трехбуквенному ругательству меня научил боцман: он, и только он!

Я вот часто думаю: до чего же бывает подл человек, естественно, не наш – чужак. Иногда даже, казалось бы, в самом безобидном положении, когда вокруг тихо-мирно, а ты находишься в нейтральных водах, всегда найдется иностранная сволочь, которая постарается тебя, то есть – меня подловить, чтобы подло протаранить, якобы нечаянно утопить, швырнуть на дно. И это нейтральных водах!

Ну, а уж если я попала в чужих территориальных водах – случайно конечно, не намеренно – то уж тут пощады не жди, щедро, от души завалят глубинными бомбами. В такой оборот тебя возьмут – мама не горюй! Вы знаете, что такое глубинные бомбы? О-о! Это такая гадкая штуковина, от которой лучше держаться подальше! Это говорю вам я – лодка, неоднократно испытывавшая на своей шкуре дурную мощь глубинной бомбы. Просто страшно, когда каждой клеточкой, каждой молекулой своего нежного тела ощущаешь, как с тебя срываются листы внешнего легкого корпуса, как живые, шевелятся, готовые слететь с фундамента такие жизненно необходимые мне судовые двигатели, когда чутко слышишь, как оглушительно лопаются внутри тебя плафоны освещения, а экипаж, глядя на дергающийся от взрывов подволок, поголовно крестится и не стесняясь просит, умоляет меня: «Милая! Родненькая! Голубушка ты наша! Не подведи, выдержи, спаси и сохрани нас...» И чего только не сделаешь ради спасения близких, обожающих тебя людей? Сейчас, я могу с гордостью сказать, что это именно я выдерживала те безумно яростные атаки коварного врага, я спасала в первую очередь людей, а уже только потом – себя! Все: я! Спасала, и не один раз. Положа руку на сердце, признаюсь, что иногда мне было страшно, ой, как страшно, до жути страшно! Иногда хотелось превратиться в обыкновенную камбалу и зарыться, затаиться в донном иле или, выскочив из воды, обратиться в белокрылую чайку, чтобы взлететь в спасительные небеса, а то и глупым пингвином удрать, куда глаза глядят. Казалось, я пошла бы на все что угодно, лишь бы спастись, и жить, жи-и-ить!! Мне об этом не стыдно вспоминать, потому как я давно поняла, что страх свойственен не только людям, но и нам – лодкам. Главное – научиться преодолевать его. Скажу без хвастовства: я этому научилась. И здорово научилась! Бывало, отбросив липкий страх, под лопающимися со страшной силой подводными взрывами, я, извиваясь морской змеей, ползая по дну королевским крабом, пронзая подводную толщу подобно рыбе-стреле, стремительно уходила от разъяренного, не знающего пощады противника. Уходила избитая, израненная, истерзанная, но никогда не подводившая своих повелителей – мой экипаж. А когда люди, нежно глядя пальцами мое израненное тело, благодарили, меня прямо-таки распирало от гордости и так

сильно хотелось, чтобы такие вот дивные минуты человеческой благодарности повторялись бы чаще, а лучше – постоянно. А для тех, кто думает, что я обманываю, заливаю, мыльные пузыри пускаю, скажу одно: все здесь сказанное мной – истинная правда!

Конечно, я простая дизель-электрическая лодка типа «Варшавянка», еще первого проекта, ныне – увы! – устаревшая. Куда мне до громил авианосцев, грозных крейсеров, красавцев эсминцев, фрегатов и прочих корветов; я против них – маленькая неприметная козявка, букашка, червяк! Пусть, даже червяк! Однако мне глубоко начхать на всех этих надводных верзил, я собственными глазами видела, с каким нескрываемым страхом дергались они, едва почуяв мое присутствие под своим днищем, а потом – как говорил боцман Петрович – навалив полные штаны, удирали во все лопатки даже не оглядываясь. Те еще, вояки! Знали, подлые, что парочка моих грозных торпед – и, самый крутой их авианосец, навеки заснет на дне морском грудой искореженного металла. То-то! Я хоть и маленькая, да удаленькая, однако создана не для морских туристических прогулок...»

Прервав воспоминания, «Варшавянка» сначала посмотрела на желтый шар солнца, обещающий приятное дневное тепло, затем – в сторону города, живущего своей, во многом не понятной ей жизнью. Нет, скорее, не до конца понятны живущие в городе люди, сам же город прост, как линия горизонта: прямые стреловидные улицы, карабкающиеся параллельно друг дружку на Лысую сопку, да по-хулигански разбросанный там-сям частный сектор – вот и весь город. Но какое лодке дело и до горожан, и до прочего частного сектора – ей бы разобратся в своем экипаже. Если честно, то он ей не до конца понятен. Вот именно, не до конца.

«Нет-нет, народ в экипаже хороший, он любит меня, очень любит! А, в тоже время, будто и не очень, – с легкой обидой подумала „Варшавянка“. – Смущают некоторые моменты. Например, такие... Пока находимся в „автономке“, пока плещемся в океане на остатках кислорода (наверху враги стерегут), или сидим без пресной воды, без свежих овощей, фруктов (закончились или пропали), проще говоря – в неблагоприятной или даже кризисной ситуации; люди, экипаж – меня прямо-таки лелеет, нежит, молится на меня, как на свои, появившиеся в последнее время иконы, а как только я к пирсу пришвартуюсь, прижмусь – любовь людская, словно туман морской исчезает, экипаж как бы подменили, в глазах у него появляется что-то другое, постороннее, ко мне совершенно не относящееся. От любви и следа не остается. Такие вот мои претензии к экипажу. Хотя, что ему до моих обид, он – хозяин, повелитель мой. Конечно, я не маленькая, все понимаю, моряки-подводники устали, по семьям соскучились, к ним торопятся – все это правильно, все это так, но... но мне все равно до слез обидно: неужели семья для экипажа дороже меня, лодки? А ведь как ни круть-верть, получается так и, никак иначе. Как в толщу воды, в огонь пожара, в торпедную атаку – так сразу: „дорогая-любимая! голубушка! спасительница!“ Как только ни называют, и даже молятся на меня. А, как ступят одной ногой на причал, так сразу становятся будто чужими: и бегут, бегут от меня, как корабли от неисправной торпеды, только пятки сверкают. Им, видите ли, семья дороже... Эй, подлый старикашка, ты чего тут разбежался?!» – Лодка сердитым взглядом проводила закопченный морской буксир, нагнавший на нее косматую волну. Этот вечный грязнуля ей не нравился, и на то у лодки были свои причины.

«Чего это я разнылась, как тот старый ботинок, – слегка укорила себя лодка. – Все-таки, не совсем права я, ведь любят меня люди, еще как любят. Несправедлива я к ним, зря наговариваю, надо это безобразие прекращать сию минуту, или, как говорят люди, не отходя от кассы. И только так! – Убедив себя в том, что она была несправедлива к людям, «Варшавянка» повеселела. – Бог ты мой, ну какой еще может быть разговор? Конечно же, они меня любят. Ну, покинут по приходу борт – и что с того? Через неделю-другую смотрю: спешат, торопятся назад, даже спотыкаются. Я же не слепая, не тупой кнехт на пирсе торчащий – я по глазам вижу, что не мило им на пыльной суше среди, разом навалившихся забот, проблем и прочих, прочих земных житейских неурядиц и дрызг, таких обыденных для любого гражданского типа,

но никак не для настоящего моряка. Им, впрочем, как и мне, в океан хочется, душа простора требует, шороха морской волны, прохлады глубин. Только и всего-то.

Одно плохо и непонятно – в последнее время флот почему-то крайне редко выходит в море. Атомные подводные лодки еще туда-сюда, бывает, мотаются в океан (дежурят у чужих берегов), а вот надводные корабли будто к берегу цепями прикованы: то, говорят, у них топлива нет, то экипажи не могут укомплектовать из-за отсутствия призывной молодежи, то офицеры, месяцами не получая зарплату, пачками на берег списываются, то вообще, где-то на верхах заявят, будто бы у нас врагов не осталось. Последнее заявление или чье-то предположение, по моему, вообще чушь собачья – кажись так, говорят люди, когда сердятся. Надо же, чушь, да еще собачья. А что, они по-своему правы: покажите мне того, у кого в этом мире нет врагов. Я уверена, таковых нет и не существует. Да что там много говорить, даже у меня – железной души лодки – враги имеются. Например, гадкая: брр-р! ржавчина! Или вот, проскочивший мимо зловредный морской буксир... Кто еще? А бог морей и океанов Нептун, он мне что – друг? Не друг, и даже не враг – вражина!

А ведь, помнится, раньше таких проблем не существовало: и топлива вдоволь имелось, и людей хватало, и ежемесячная зарплата своевременно выплачивалась, и врагов вокруг было немерено – живи да радуйся! Видно, в стране что-то серьезное произошло, для военно-морского флота не особо хорошее. А ведь точно произошло, даже люди на лодке изменились, стали раздражительными, мрачными, озабоченными. Интересно, почему вдруг?»

«Варшавянка» огляделась по сторонам, словно где-то там был ответ на ее весьма и весьма непростой вопрос. Но вокруг было спокойно: по-прежнему лениво кричали чайки, соседние лодки-атомоходы так же мирно дремали, часового-певца с его дурацкой шляпой сменили, а заступивший на вахту матрос, презрев устав караульной службы, читал потрепанную книгу, беспечно свесив ноги с пирса. Ну и наглец! Лодка хотела сделать ему хотя бы замечание, однако передумала: салажонок – он и есть салажонок, что с него взять.

«Да, изменились люди, – лодка опять принялась размышлять, – крепенько изменились, я это давно заметила. Каюсь, водится за мной грешок, люблю подсматривать да подслушивать, о чем люди в отсеках говорят, это мое, выражаясь человеческим языком, хобби, то есть – занятие. Опять же, по человеческим понятиям, это мое хобби – порочно и осуждаемо, однако я с собой ничего поделывать не могу, видно, родилась я такой любопытной, ох, и любопытной! Ну и пусть! Пусть я порочна, однако ж все подслушанные мной разговоры во мне и остаются, я не болтлива, умею хранить человеческие тайны, уж насчет этого будьте спокойны.

Нет, что бы сейчас о прошедшем времени не говорили плохого, раньше все было гораздо проще и понятливее. И это я не голословно утверждаю, могу и словесно доказать. Помню, висел на пирсе огромный такой плакат, издали можно было прочитать выражение «Коммунистическая партия – наш рулевой!» Ни больше, ни меньше. А что, все четко и понятно: рулевой рулит в правильно направлении, то есть, в заданном ему курсе; нет рулевого – судно неуправляемо, из стороны в сторону рыскает, на рифы напарывается, ко дну идет. Или вот другой пример. Вывесили «боевой листок». Читаю: «Берем сообразительность отстреляться только на хорошо и отлично!» Что тут непонятного? Четко и понятно: пли! – торпеда вышла – и нет мишени, в щепки разлетелась. А что сейчас? Сейчас слышу от моряков столько непонятных для себя слов, что голова кругом идет – выражаясь опять же человеческим языком – от всех этих тарифов, индексаций и прочих приватизаций... Нептун их всех задери! Да что я, люди не могут разобраться в этих заумных словечках, которые сами же и выдумали. Впрочем, я скромничаю, не совсем же дура, смысл некоторых до меня дошел, скажу без хвастовства. Опять же, к примеру, возьмем хитрое такое словечко, как приватизация. Я в нем в два счета разобралась и выяснила, что это простой отъем у большинства и передача отнятого – меньшинству. Подобная схема наблюдается, когда один «годок», то есть – старослужащий, забирает у новоприбывших салажат их новенькие ремни, бескозырки, ботинки. Возьмем для при-

мера, другое слово – тарифы. Оно очень похоже на белокрылую чайку, взлетающую все выше, и выше, и выше! Может, кто и не поверит, однако я самостоятельно разобралась, что такое альтернативная служба. Впрочем, что тут особенно разбираться, тут даже глупому морскому крабу понятно, что не всякий призывник пожелает служить на лодке, то есть – на мне, большинство пойдет туда, где полегче, а иные и вовсе готовы откосить от службы, даже в тюрьме попасть, срок отсидеть, лишь бы не идти в армию. Что и говорить, помельчал народ и физически, и духовно. Хочу – не хочу, желаю – не желаю, а ведь есть такое простое и короткое слово «надо»: надо – и все тут!

Люди вообще сложные существа. Любят они себе проблему создавать, и не просто любят – прямо обожают, без них жить не могут, на пустом месте создают и создают. Будто жизнь без проблем для них – жизнь без смысла. А копни глубже – проблемы-то оказываются мелкими, пустяковыми, никчемными. А как люди могут ругаться, ссориться между собой – это же вообще целое искусство! Из-за всякой пустяковой мелочи, из-за косога взгляда, из-за одного единственного слова – из-за одного! – могут крепко переругаться, перессориться. И это – самые умные в мире существа! Если в экипаже кто-то ссорится, то лично для меня это... это, как удар тяжелой кувалдой по моему гребному валу. Больно-то, ой, как больно!

Нет, я, конечно, и вижу, и понимаю, что сейчас время наступило трудное, что сейчас людям тяжело, однако не только им тяжело, может быть, мне – вдвойне, а то и втройне хуже, чем им. Да-да, именно так! Иногда, глядя на мелкую людскую склоку, мне так и хочется крикнуть: «Люди! Оставьте свои мелкие земные распри, обратите наконец внимание на меня! Вы что, слепые, не видите, что мои борта обросли тошнотворно скользкой ракушкой, покрылись ржавчиной, безжалостно разъедающей мое уже немолодое тело? Откройте наконец глаза, вы что, не видите, что меня надо срочно ставить в док? Сейчас же, срочно, немедленно, безотлагательно! Подремонтировать, почистить, покрасить – я сразу же помолодею лет на двадцать, и мы с вами еще порезвимся в океане, подразним самого Нептуна, грозу морей и океанов, подержим его за бороденку! Ой, с каким удовольствием подержим! Я все помню! Помнится, этот старый хрыч частенько грозил мне трезубцем острым, все угрожал: „Смотри, шалунья вертлявая, допрыгаешься, доиграешься ты у меня, отправлю на дно морское!“ Я ему смело отвечала: „Послушай дедуля, ох, и напугал же ты меня, прямо спасу нет! Смотри, сам не рассыпся от старости! Отдыхай себе, куда тебе со мной тягаться...“ Смелая я была, храбрилась беспечно, а все потому, что молодая была, глупая, бестолковая, жизнью не битая. Сейчас-то я понимаю, как нежелательно ссориться с этим не стареющим, вечным, свирепым дедом. Понимаю, но иногда с собой ничего поделать не могу, так и тянет, и тянет пошалить, похулиганить, как говорят люди, дурную кровь по жилам погонять; и, очертя голову, искушаю судьбу, бросаюсь я туда, где мне не следует быть и, даже близко подходить нежелательно. Сейчас-то думаю, что я была самонадеянной, неисправимой душой. А что, так оно и есть. Ведь, когда-нибудь достанет меня трезубцем старик Нептун, ох боюсь, достанет. Не хотелось бы этого, но жизнь лодок – увы! непредсказуема. Я знаю, о чем говорю. Не раз висела над бездной морской, с любопытством в нее заглядывала, и жутко страшно мне становилось от увиденного: все дно морское усеяно погибшими кораблями. И старые, и новые, и металлические, и деревянные – кого там только нет? От средневековых голландских фрегатов до японских линкоров Яванского моря! Лежат бедолаги на коралловых рифах, на скалах острозубых, на равнине морской, где песком присыпанные, где травой морской опутанные, ржавые от времени, от воды соленой. Глядя на чью-то, пусть и давнюю смерть, начинаешь невольно задумываться: а где тебе самой лучше успокоиться – то ли на дне морском, то ли на корабельном кладбище? Есть еще вариант с металлоломом, и дальнейшей переплавкой на гвозди. Это, конечно, самый худший вариант. А вообще-то, я еще не решила, что и где лучше...»

Мимо опять пропыхтел буксир. На этот раз за ним, рыская из стороны в сторону, приковано тащилась несамоходная баржа, груженная красным кирпичом. «Варшавянке» вдруг

захотелось во весь голос громко выругаться, дескать, шлятся тут всякие – разные хрипатые. Однако, решила промолчать, потому как была чуточку суеверной и посчитала, что появление буксира, может быть... да мало ли, что это могло означать.

«Куда это он ее поволок? Неужели, на корабельное кладбище? – с невольным трепетом предположила «Варшавянка», но тут же отвергла это предположение. – Ерунда! Баржа под завязку нагружена кирпичом, а на кладбище корабли отводят, полностью освободив их от всего мало-мальски полезного, короче – пустыми. А так ничего страшного не произошло, буксир выполняет обычную работу, к тому же баржа была груженной по самые борта.

Жизнь – копейка! Слышала я от людей такое выражение. Наверное, оно про нас, про подводные лодки. Это наша жизнь-копейка. Больно дешево. А что ты хочешь, подойдет когда-нибудь ко мне такой же вот охрипший буксиришка и, ехидненько так, спросит: «Уж не тебя ли, козочка драная, мне приказали увести на корабельное кладбище? Что, доскакалась, допрыгалась, дорезвилась? Все, пора и честь знать. Что, как дура глупо моргаешь, а ну принимай буксирный кончик – и айда за мной! Давай, шевелись!» Грубиян! И потащит он мое еще ладное тело на корабельное кладбище. Ж-жуть! Как-то проходила я мимо того кладбища. Зрелище, скажу я вам, печальное, жалкое, тягостное. Некогда стройные, грозные, а ныне – мертвые корабли с глубокими ранами на бортах, с ржавыми рубками, слепыми иллюминаторами застыли в неестественно-пугающих позах убитых бойцов. «Убитых» резали, кромсали, рвали кранами, волокли тракторами, грузили в вагоны и, куда-то увозили. Былая гордость флота – и такой печальный конец. Чудовищная несправедливость. Кто бы мог подумать.

А этот буксир, хам хрипатый! Ведь, он сам плоть от плоти из железа, из стали, сам рожден для моря, для волны, а выполняет функции палача, черт бы его побрал! Баран бесчувственный... Хотя... кто его знает, что он ощущает, когда тащит очередную свою жертву на плаху? Может, неудобно? Ведь и его в недалеком будущем, возможно, ожидает та же печальная, незавидная участь, потому как «все мы смертные», по выражению мичмана Петьки. Может, я зря на буксир наговариваю, может, у него под слоем ржавчины – чуткая, добрейшая душа. Подойдет он ко мне, пожалеет, спросит с жалостью: «Что, красавица, и тебя на гвозди? Я думаю, рановато, на вид ты такая приятная, а главное – хорошо выглядишь, не уступишь молодой. Мне тебя до слез жаль. Эх, жизнь наша железка! К сожалению, она так коротка. Боюсь, что скоро и меня... того, сама понимаешь. Пашешь, пашешь на людей, а вместо благодарности тебя: р-раз! на гвозди! Эх, люди, люди! Нет у них ни жалости, ни души...»

Вот после таких скорбно-сочувствующих слов буксира, лодке станет обидно, так обидно!

«Варшавянка» отчаянно заморгала рубочными иллюминаторами, стараясь не расплакаться горькими слезами. «Не плакать! – приказала она себе. – Ведь ты же сильная, мужественная, не зря тебя недруги прозвали «Черной дырой», не зря над твоим корпусом гордо развевается Андреевский флаг.

Да нет, не заплакала лодка, не зарыдала слезно, сейчас она обратилась даже не к людям, скорее – в никуда. «Послушайте, вы! Не нужен мне заслуженный отдых на корабельном кладбище, я хочу в океан, отправьте меня в плавание, в „автономку“ на многие-многие месяцы! Ну, пожалуйста! Я хочу напоследок ощутить тугую выпуклость волны, хочу лизнуть соленые брызги, хочу услышать стонущие крики буреветника, визгливо-шипящие переговоры китов, хулиганистый свист дельфинов; я, вибрируя всем своим мощным корпусом, желаю зарыться в прохладную толщу океана и парить-парить над его мрачными глубинами. Всем-всем, кто меня слышит, сообщаю: я не быть просто грудой ржавого металла, потому что я – лодка, боевая единица флота российского!!»

Услышав отчаянные крики подводной лодки, любопытные чайки закружились над ней, с недоумением спрашивая друг у дружки: «Чего это наша старушка разоралась? Может, узнала, что ее скоро на гвозди поволокут?»

Вот дуры бездомные! Так лодка хотела обругать глупых чаек, однако неожиданно пришедшая мысль заставила ее забыть о них.

«О ком это они кричали? Кого на гвозди?? Меня? На гвозди? Ну почему именно меня? Я что, крайняя? Получается, так. Да и что здесь непонятного? Я же сама из того же материала, что и гвозди. Другое интересно: куда деваются люди, когда они, как и я, состарятся? Что с ними дальше происходит? Может, их тоже на гвозди пускают? Людей – на гвозди?! Какая глупость! Н-да, тут я явно перегнула. Какие из них гвозди? Они такие хрупкие, такие мягкие, к тому же, умные, чтобы просто гвоздями быть. Нет и нет! Хотя, помнится, мой командир про кого-то из штабных выразился, что тот глуп, как гвоздь... или пробка? Ну, неважно, глуп и глуп. А может, он просто пошутил? Нет, все-таки, куда-то люди уходят, не живут же они вечно? А что, если они в медуз превращаются, вон их в океане сколько, не счесть?.. Да ну, не может такого быть! Медузы такие дурные, сами будто специально под мой винт так и лезут, и лезут. Нет, люди – не медузы! Тогда... О! А что если они превращаются в звезды, что ночью светят? Похоже на то... Однако тут же возникает новый вопрос: почему ночью звезды в океан падают, кто их с неба скидывает, и зачем?»

«Варшавянка» не успела домыслить о падающих звездах, как увидела бегущих по пирсу моряков. «Куда это они? – принялась гадать. – Может, на атомоходы... или ко мне? Лучше бы ко мне! ко мне! ко мне!»

И действительно, вскоре по покатой палубе «Варшавянки» загремели тяжелые ботинки экипажа.

– Боевая тревога! Корабль к походу готовь!

5

Косой дождь нещадно хлестал по стеклу. Баба Маня перекрестилась на угол, где темнела потрескавшаяся от времени икона: «Господи, Иисусе Христе, помилуй нас...» – и вновь повернулась к заливаемому дождем окну. За окном, метрах в сорока едва виднелся барак с невидимой в темноте облезлой вывеской, сообщавшей, что в нем находится «Сетепошивочный цех рыбокомбината», который она охраняла, выйдя на пенсию. И хотя цех уже не работал, превратившись в склад старых сетей, поплавков, якорей и прочего барахла – службу баба Маня несла добросовестно, бдительно. А как же иначе, вроде, ничего ценного, а брось, сними охрану – мигом все растащат, до последнего пожарного багра уволокут и спасибо не скажут. Что и говорить, народ у нас на это дело лихой, хватистый, приспособленный на это дело народ.

Желтая зигзагообразная молния, безжалостно разорвав непроглядную тьму, на миг ярко осветила окрестности, следом оглушительно рванул гром – и барак, кажется, вроде как слегка тряхнуло.

«Ой, святой Боже, святой Крепкий, святой Бессмертный, спаси и помилуй нас... – трижды крестясь, пробормотала старушка. – Эка пакостливая погодка... шут бы ее взял! И откуда только этот тайфун взялся так неожиданно-негаданно? Никто не знает, каждый, свое болтает. Одни говорят, что с Тихого океана пришел, другие – со стороны Японии заявился, третьи Китай обвиняют, наши поселковые бабы – Гришку покойничка не к ночи вспомнили, дескать, без него ну никак не обошлось. Нашли крайнего-Гришку! В с другой стороны, почему бы и не вспомнить хорошего человека: и ему на том свете приятно, и нам здесь, пока еще живущим, нелишне вспомнить его. К тому же, доброе слово ни живому, а уж тем более, мертвому, не навредит. А что бабы про Гришку болтают, так это они по глупости женской, по бестолковщине своей, что, как известно, простительно.

Между прочим, Гришка – нормальным мужиком был, хотя при жизни чего он только ни накуролесил, и как только его не называли. И бесшабашным, и заполошным, и окурком он, и сморчок, и еще этот... индюк куражливый. Вот уж точно, ох, и куражливый он был! Был... Эх, Гришка, Гришка, пусть земля тебе будет пухом. Два дня прошло, как его схоронили, а будто живой стоит он у меня перед глазами, и лыбится, лыбится сердешный. Опосля, спрашивает: «Ну что, бригадир, не сдадим врагу Варяг?» Спросит и сам же, бывало, отвечает: «Нет, не сдадим! Помрем, но не сдадим!» Доболтался, родимый – помер. Но вот интересно получается, пусть и помер Гришка, и закопали его, однако наши поселковые люди будут его еще долго-долго вспоминать кто добрым словом, кто по-разному. Иногда, так кажется, что земля без некоторых ушедших людей, словно пустеет сиротски, как будто живущим чего-то не хватает, такого привычного, необходимого, нужного. А другой человек помрет, глядишь – о нем через день-другой позабыли, как о растаявшем снеге. И сразу хочется спросить: зачем человек жил? Что после себя оставил? А получается, ничегошеньки не оставил. Разве это не обидно?

Нет, Гришка не такой был. Бывало, растянет баян трофейный, да ка-ак запоем – ноги сами в пляс пойдут, а ежели грустное что – слеза так на глаза и навернется. Одним словом – талант был у человека. Играл так, что заслушаешься. А ведь росточком был мал покойничек, худ, как спичка, лицом невзрачен, а голосище – будь здоров был, почище маяка туманного ревел. Ему бы, милому, в телевизоре играть али где на сцене петь, а не сети смолистые вязать да просоленными руками невод с рыбой тянуть. Я вот на теперешних горлодеров в телевизоре смотрю, и плевать хочется: ну и стыдобища! Одна срамота! Глянешь: навроне как один выскочил петь, ан нет – за ним, точно угоревшими кошками бросается в погоню толпа голоногих девиц... шут их задери! Он, бедняжка, уже и петь пытается, уже от натуги синенький весь, уже и трубку с проводом норовит заглотить, а его все равно не слышать – помощницы окаянные, начисто глушат пение своими воплями да солдатским топаньем, дрыганьем. Хоть слуховой

аппарат в уши вставляй, все равно не поймешь, о чем артист пытался петь, что хотел высказать песней. Прямо не концерт – головная боль. Плюнешь, вырубись и сразу Гришкины песни вспомнишь от которых, бывало, бабы навзрыд ревели, особенно которые вдовушки, а мужики – в сторону отворачивались. И вот теперича, те же бабы, как бы обвиняют Гришку в пришедшем тайфуне, ну не дуры ли они, а? Нашли крайнего...»

Баба Маня не зря защищала покойничка, он долгое время работал с ней рука об руку.

«А нечего тут напраслину на него возводить, Гришка был веселым мужиком, общительным, компанейским. Правда, недостаток у него один имелся, зато какой! – выпивал частенько. Как частенько? Да при каждом подвернувшемся случае пил, зараза этакий! Ну, а как выпьет, тут ему, как говорится, любое море по колению, тут он мог взорваться по любому пустяку, недаром его Капсюлем прозвали, то есть – взрывателем. Посмотришь на него – росточка махонького, из себя не ахти какой здоровяк, а гонору! гонору в нем было выше крыши, отчего и страдал, бедолага. Бывало, придет утречком на работу, а по его лицу сразу видно, кто первым начал драку, и кто больше всех пострадал. Мужики смеялись: «Что, Гриша, опять на баяне сольный концерт давал?» И Гришка, как заведенный, сразу начинал хвастаться, сколько ворогов он уделал, скольких уложил. Хвастливым был – спасу нет. Тары-бары разводил по любому поводу, да и без повода мог точить лясы. Вроде, до армии за ним такого не наблюдалось. Помню, в солдаты его провожали с латанной-перелатанной гармонью, а через четыре года он домой возвратился с шикарным германским баяном. Хвастался – трофейный, куплен был за пару бутылок спирта военно-морского, потому как сам он отслужил на Тихоокеанском флоте. Целых три месяца не работал, говорил, что от армии отдыхает, с утра до вечера морскими брюками – клещами или клешами? – пыль по улице огребал, веселил народ музыкой, пением, хвастовством. Кажется, куда ни пойдешь, везде Гришкино: «Я на «Бойком» служил, на эскадренном миноносце!», «Я был лучшим минером на флоте!», «Меня лично приглашали в ансамбль песни и пляски Тихоокеанского флота!», «Я сто два дня на «губе» отсидел!», «Я школу «марксизма-ленинизма» на корабле закончил! Я политически подкован не хуже любого замполита!» Сплошные «яколки» слышались от этого балабола. Наконец его мать – Прасковья, не выдержав долгого загула любимого сыночка, ко мне за помощью объявилась, мол, помоги мне неразумное дитяtko на рабочие рельсы поставить, Христа ради прошу. Отчего вдовушке не помочь – помогла, взяла Гришку в оборот, всыпала ему по первое число, на следующий день на работу не вышел – выскочил, и работником стал дельным, хотя и хвастаться не прекратил, что не так страшно; хвастовство – не пьянство, можно и пережить.

Случай один вспомнился, давний. Меня, тогда еще не бабкой величали, а уважительно – бригадиром. Не все, конечно, находились и завистники, те за спиной обзывали «Манькой Бригадиршей», или еще старались обиднее уколоть – «Маней Кувалдой», за руку мою тяжелую. Ну, да бог с ними, с завистниками, не о них речь. Как-то утречком на речке, я кое-какое бельишко стирала-полоскала. Тогда стиральных машин не было, обходились речкой и стиральной доской, а зимой корыто выручало.

Стираю на речке, здесь же полощу, отжимаю – глядь, подходит тогда еще молоденький Гришка с газетой в руке. Я насторожилась, ох, думаю, неспроста появился, да еще и с газетой. А он, мелко-мелко позевывая губастым ртом, как бы ненароком спрашивает:

– Слышь, бригадир, ты новость слышала?

– Какую такую новость? – напряглась я, но вида не подаю, да и некогда мне с ним болтать – бельем занята.

– Не понял, что, и вправду ничего не слышала? Ну ты даешь стране угля! А еще бригадир... – ехидненько так, шевеля нижней губенкой, он начинает умничать. Мне так захотелось врезать ему мокрым бельем, не знаю, как сдержалась. – Юрка Гагарин в космос слетал и вернулся. Вот! – сообщил он с таким видом, будто он с нашим первым космонавтом за одной партией в школе сидел.

– Ну и что, – отвечаю, а сама по привычке принимаюся – не выпивши ли он. – Тоже мне, новость нашел. Ты что, Гриш, с печки упал или переспал сегодня? Гагарин-то поди уже месяц как вернулся. Прилетел – и слава богу. Меня сейчас больше наш невод волнует. Скоро выставлять, да боюсь, как бы погода не подвела, начнет штормить – помучаемся. А вообще-то, по всем признакам в этом году должен быть хороший ход горбуши...

– Мать моя Волга, отец – Тихий океан!! – ударяя себя по худым ляжкам, лопнувшим канатом взвился Гришка. – Какой невод, бригадир?! Тут космос, понимаешь: кос-мос!! Вселенная! Неохватная для глаза! А ты со своей горбушей лезешь! Ты что, не соображаешь, масштаб-то совсем-совсем другой. Эх, бригадир, бригадир! Как же ты мелко плаваешь! Если честно, не ожидал, не ожидал я от тебя такого мешчанства! И посему мне, рядовому члену нашей с тобой передовой бригады за тебя очень и очень обидно! Нет, правда, до головокружения обидно...

– Ну, ты, член бригады, тебя кто кормит, космос или горбуша?! – обозлилась я на Гришку. – Что ты тут мне свои тары-бары разводишь, или тебе заняться нечем? А если ты трояк на бутылку выпрашиваешь, то у меня его нет с собой, а если бы и был, не дала бы, сам знаешь.

– Да уж знаю, – упавшим голосом подтвердил Гришка. – Ты не права, бригадир, какой там еще трояк, я от души подошел с тобой поговорить, ей-богу, от души! – Он даже занес руку, наверное, чтобы перекреститься, но, видно, чего-то вспомнив, опустил ее со словами: – Честно, от души. Вижу, ты мне не веришь. Могу даже поклясться. Да разрази меня гром, да спали меня молния, да не поднять мне больше... Нет-нет, только не это... Бригадир, один вопросик можно?

– Один? Ну давай, валяй, только побыстрее, сам видишь – некогда мне, – разрешила я, лишь бы побыстрее от него отвязаться.

– Вот скажи мне: что такое космос?

Н-да, тот еще вопросик! Чего у Гришки было не отнять – так это умения ошарашивать людей своими неожиданными вопросами. Признаюсь, ошарашил он и меня. Стою, белье уронила в таз и молчу, молчу, как уснувшая рыбина. А что говорить-то было, я не знала, что такое космос. Да и откуда мне было знать с моим четырехклассным образованием, слава богу, что еще читать-писать научилась. Не знала, а признаться было стыдно. Когда Гагарин вернулся «оттудова», все кричали «Ур-ра! мы в космосе!» – и я кричала, время было такое, единоедушное.

– Ладно, бригадир, не парься, я понимаю твои затруднения и потому, так и быть, беру над тобой шефство, как город над деревней. Так сказать, для повышения твоего общего развития... умственного, я имею в виду. – Гришка раскрыл передо мной газету, наверняка месячной давности (газеты у нас тогда были редкостью, и лишь один экземпляр доставлялся в поссовет, где и подшивался). Сует мне ее под нос и голосом учителя начальных классов говорит: – Вот, глянь-ка, видишь, фото? Это Юрка Гагарин... дружок мой закадычный, мы с ним на одном эсминце служили, «Бойкий», может, слышала? Нет? Жаль, жаль... Нет, правда, и даже в одном кубрике спали, я внизу, он – надо мной. Ох, и веселый был парень, компанейский такой, свой в доску. Опосля его от нас в космонавты забрали... тогда набирали из моряков, к качке невосомой привычных. Между прочим, меня тоже в отряд космонавтов направляли... правда, меня рост подвел, двух сантиметров не хватило, всего двух...

«Ну, пошел заливать, прохиндей, – подумала я с тоской. – Господи, сколько бы я уже белья перестирала!»

– Повезло Юрке! Представляешь, после железа эсминца – и сразу в космос! Опосля слава, звания, Лондон, Париж! Везу-унчик! Бригадир, я думаю, он видел с космоса, как ты меня, его лучшего друга забираешь, опохмеляться не разрешаешь, сейчас вот трояк не выделяешь. Я думаю, он не одобрил бы твое...

– Гриш, хватит трещать, как камбала хвостом! – резко оборвала я разошедшегося говоруна. – Ты про космос забыл, – напомнила я ему, потому как мне самой было интересно узнать, что же такой космос.

– Ах, да, да! Совсем забыл, что ты у нас серость деревенская, хоть и бригадир...

Вот недомерок, все-таки не утерпел, уколол он меня! Ничего, мы терпеливые.

– ... Ладно, слушай, но не перебивай. Знаю я вас, баб... Космос – это... это воздух, который вокруг земли вертится и которым мы с тобой дышим, соответственно – и существуем...

И еще битых полчаса, шепелявя разбитыми в очередной драке губами, «близкий друг» первого космонавта объяснял или, что вернее, травил мне про Солнечную систему, про Полярную звезду, круглые скафандры, борщ в тюбиках-пакетиках. Я терпела, но когда он перешел к тралению мин в территориальных водах Северной Кореи и тут же принялся прутиком рисовать на земле устройство противоминного трала, я не выдержала.

– Хватит! – рявкнула я, четко поняв, что ничего путного о космосе я не услышу. – А ну, забирай свою рогатую мину и вали с ней мухоморы собирать! Вали давай, грамотей с эсминца... шут тебя заberi!

Гришка недоуменно уставился на меня, мол, чего это бригадир на дыбки поднялась, обиделась, что ли. Зря она так, он по доброте душевной хотел ее кое-какой грамотенкой подковать – бригадир, все-таки, знания ей не помешают. Пусть он не учитель, однако право учить других имеет, как-никак полных семь классов закончил (маршал Жуков, говорят, всего-то – четыре), да к тому же в армии годичную школу марксизма-ленинизма одолел. А это вам не фунт сеledки, почти как политическая академия в некотором смысле. То-то!

– Ладно, бригадир, не желаешь про космос – ну и не больно-то надо, как говорится, вольному – воля, больному – укол в одно место, а мужику – стакан... полный, доверху. Шучу, шучу! – Что-то подозрительно быстро согласился, вроде бы замолчать Гришка. Ой, подозрительно.

– Я вот что хочу напоследок сказать. Если бы меня послали в этот самый космос, я бы ничуть не хуже Юрки слетал, запросто бы слетал и обратно вернулся, не сойти мне с этого места! Что, не веришь?

– Ты, в космос? – не смогла сдержать я смех, представив махонького Гришку в огромном скафандре, да еще с его рогатой миной в руках. Подумать только, наш Гришка – космонавт! И смех, и грех!

– Нет, Гриша, не взяли бы тебя в космонавты, ты хоть и шибко образованный, а ростом не вышел, сам же сказал. А Гагарин, поди, ого-го! под сажень...

Гришка задумчиво посмотрел на меня, затем неуступчиво заявил, как отрезал:

– Чепуха на постном масле! В космос должны брать небольших, таких как я, там места мало. Точно, точно! Помню, к нам в океане подводная лодка пришвартовалась, проекта «Малютка». Так вот, хочешь – верь, хочешь – не верь, экипаж состоял из этих... карликов. Да-да, карликов! – повторил он, вроде как убеждая себя. – Малюсеньких таких... крохотных.

– Карликов? Ой, Гришка, хватит трепаться! Иди давай, меня стирка ждет, – испугалась я, что из-за этого баламута не успею белье достирать. Это же надо такое придумать – экипаж из карликов! А может, и лодка карликовая была?

– Ну хорошо, хорошо, хватит – значит, хватит! – И опять подозрительно быстро согласился Гришка... однако не ушел, стоит, с ноги на ногу переминается, будто в кустики желает. – Бригадир, разреши последний вопрос, последний, клянусь своей по пьяни утерянной бескозыркой.

– Ну что тебе еще? – сердито спросила я.

– Ты вот все время твердишь, что бог все видит, что бог накажет, что он поможет. Ведь так?

– Ну так... – подтвердила я с опаской – от этого пройдохи чего угодно можно ожидать. – Говорила, и что с того?

– А то! Все твой бог видит, все он слышит, всех накажет! Видит он, как бы не так! Вон Юрка слетал в космос – и что? Назад вернулся, понимаешь бригадир: на-зад! Жив, здоров и целехонек! А ведь он же наверняка коммунист, считай – безбожник! И никакого бога, он там не видел! Так где же он, твой бог? Тю-тю, нет его, нет и все! Юрка не видел его. И как это понимать? – плутовски скривился он. – Объясни мне...

Объяснить этой хитроглазой бестии? Думаю, это невозможно, наверное, легче море до дна выпить, чем его в чем-то убедить. А если серьезно, то нет у меня времени что-то объяснять этому шалопаю – это, во-первых. Во-вторых, вряд ли он что-то поймет, видно, где-то с утра успел хлебнуть – запахок от него хмельной, свеженький. Ну, а в-третьих, положила руку на сердце, признаюсь, что я сама не больно-то в религии разбираюсь, верую и верую как и большинство народа, разве этого мало? Однако этот всезнайка ждет ответа, вон как ехидненько глазки сощурил, только и ждет, чтобы я на его крючок попала, вот для него радости-то будет – захлебнется. На весь поселок разрезвонит, что бригадир простых истин не знает, а других жизни пытается учить. Нет, надобно как-то пугануть его, может, отцепится.

– Гриш, – говорю спокойно, – ты вот все брешешь да брешешь, что ни попадя, будто собака на ветер, а Бог-то все слышит, ты бы поостерегся.

– Гы-ы! Напугала! Слышит он! – не пугливо оскалился Гришка. – Как же, так я и поверил! Видит он! Ага! А почему тогда ракету с Юркой пропустил? Ведь пропустил, даже паспорта не спросил. Это как понять? Согласно Уставу караульной службы, твой бог обязан был спросить: кто такой? откуда? куда и зачем?..

«Бог ты мой, – думаю с тоской, – Белье в тазике киснет, а этот раздолбай – прости Господи! – как репей прицепился. Что бы ему такое ответить, чтобы он и про паспорт забыл, и про Устав свой караульный? Что бы, что бы такое, такое!..

– Гриш, знаешь, что я тебе скажу: мало тебя в детстве пороли, ох, мало! Ты вот, смотрю, всюду похваляешься, что ты школу марксизма закончил, что ты ужас какой грамотный, прямо спасу нет. А я вот, смотрю на тебя, и вижу: каким был ты темным, темным и остался, потому как простых вещей не видишь, – отвечаю я ему, стараюсь зацепить покрепче, пообидней. Пустое – лыбится непробиваемо, дескать, мели, Емеля, твоя неделя. Даже не обиделся. Ну, человек!

– Ты вот говоришь, – однако, продолжаю я упрямо, – паспорт подавай, объясняй, куда и зачем. А действительно, зачем? Зачем Гагарину паспорт? Ты что, сам не знаешь, почему Бог его в космос пропустил? Не знаешь? Просто удивительно, весь мир знает, а ты – нет...

Смотрю, мой Гришка, как заправский конюх, оседлав коня, вперед подался – сейчас или поскочет, или заржет по жеребьячи.

– Бог его за улыбку пропустил. Ты глянь на фотографию в газете, глянь, глянь! Видишь, какая у него улыбка? Широкая, добрая, ласковая! Одним словом – неотразимая. Ну как с такой улыбкой да не пропустить? А теперь ты посмотришь на себя в речку... Ниже, ниже нагнись! Улыбнись! Да шире, во весь рот! Что отскочил, испугался? Да, Гриша, с такой, как у тебя, улыбкой, Бог тебя даже к воротам не подпустит, назад с космоса пнет. Понял? А теперь иди своей дорогой, некогда мне с тобой антимонии разводить.

И что вы думаете, ушел он? Как бы не так! Сморщился, как мокрый кирзовый сапог у горячей печи, да башкой затряс, будто проверяя, на месте ли она.

– Ну бугор... ну ты даешь! Вывернулась, чисто гадюка... надо же! Ну ничего, еще не все мины протралены, не весь фарватер очищен, есть место для маневра. Одно жаль – времени нет... Бригадир, я бы тебя сейчас, не сходя с этого места, вмиг разагитировал в свою веру, я этому обучен, но мне некогда – там мужики собираются Юркин полет обмыть, меня послали у тебя трояк зашибить. Говорил я им, что ты не дашь, так нет, одно твердили: «иди, тебе даст». А тут полный облом. Ну, я пошел, извини... – повинулся он, поворачиваясь ко мне спиной.

– Куда?! А ну, стой! – Теперь уже я остановила его, четко понимая, что опять могу ввязаться с этим охламоном в долгий беспредметный спор. Однако и меня понять нужно: с какого перепуга я должна завтра на работе видеть их опухшие от пьянки морды, дышащие на меня перегаром? Противогаса у меня нема.

– Стой, говорю! Опять полет обмывать? Да сколько ж можно? Месяц уже обмываете... месяц! Или память стаканом отшибло? Вы ж, иродовы души, помню, каких-то собачек обмывали...

– Стрелку и Белку, – сообщил Гришка. И без того невысокий, он, кажется, стал еще меньше ростом – должно быть, чувствует какую-то вину за собой. – Эти собаки – тоже космонавты. Они в космос летали еще до Юрки, их еще называют пионерами космоса.

«Опять врет, что ли? —приздумалась я. – Вот натура, не поймешь, где он правду говорит, где врет. Его бы в партизаны – наверное, он бы немцев с ума свел... или, как Сусанин, в болото завел...»

– Бригадир! Ты пойми... – кажется, Гришка воспрянул духом, что чревато новым всплеском эмоций с его стороны. – Ну какое тут может быть сравнение? То собаки летали, существа неразумные, бессознательные! А тут: ого-го! – человек! Чувствуешь разницу? «Человек – это звучит гордо!» Здорово, да? Знаешь, чье это выражение? Наш замполит на эсминце так выражался... а до него – этот... сам Карл Маркс. Вот! Ох, и головастый был мужик! Ты не смотри, что у него фамилия немецкая, из нашенских он, из рыбаков. Он днем на Балтике сети тянул, а ночью «Капитал» создавал, про диктатуру пролетариата писал, про этот... гегемон.

– Слушай, ты, гегемон! Не выводи меня из себя, – взялась я за него. – И предупреди всех: если кто из вас завтра придет на работу... надеюсь, ты понял, о чем я? Учю запашок – я такое с вами сотворю...

– Понял, бригадир, не дурак, – быстро замахал руками Гришка, однако не пошевелинулся, чтобы уйти, лишь с надеждой спросил: – Бригадир, а как насчет трояка? Только не надо мне угрожать, мы же все знаем, что ты у нас таво... добрая.

– Иди давай, а то будет тебе сейчас и трояк, и пятак. – пригрозила я, правда, не особо зло – пусть это чистой воды подхалимаж, однако приятно, когда о тебе хорошо отзываются. – Иди, Гриша, да смотри опять не нарвись на чей-нибудь жесткий кулачок, а то придется в канаве заночевать.

– Не пугай, бригадир, – легкомысленно отмахнулся Гришка. – Для меня канава – все одно, что постель родная, про таких, как я, говорят: мал золотник да дорог. А вот про некоторых других, побольше ростом, базарят знаешь что? Что велика фигура, да дура! Дура! – с нажимом повторил он. – Небось, слышала такое выражение, а, бригадир?

«На кого это он намекает? – подумала я. – неужто на... меня? Вот сученок! Через мою доброту, совсем страх потерял! Обнаглел парень...»

– Слышала, Гриша, слышала, – стараюсь спокойно, сдержанно отвечать этому хвастливому зайцу с эсминца «Бойкий». А есть другое выражение, небось, слышал? Пьяный храбрится, а проспится – свиньи боится, – ответно, отправила я ему свою словесную стрелу.

– Ну-у, бугор! Это уже слишком! Знаешь, как это в картах называется – перебор!

Наконец-то этот непробиваемый гегемон обиделся. Ну надо же!

– Это что, по-твоему, я – свинья? Ну спасибочки тебе, отблагодарила ты меня за мой ударный труд, меня – передовика твоей бригады! – Он даже не поленился картинно, в пояс поклониться. – Обидела ты меня до крайней претензии. Зря ты так, я человек чувственный... Бригадир! Сколько лет мы с тобой работаем, так сказать, плечом к плечу? Пять? Семь? Короче, много. А ведь ты меня плохо знаешь...

Кажется, Гришка свернул на свою любимую хвастливую тропку? Неужто опять врать будет? Точно!

– Бригадир, ты не смотри, что я мал ростом, у меня вся сила внутри, а это редко встречается. – и он постучал кулаком по, недооцененной другими, груди. – Вот здесь вся моя сила! Что, опять не веришь? А я докажу, докажу! У меня факты... опосля предъявлю... Слушай... Однажды на корабле пожар случился... на «Бойком», на эсминце. Паника поднялась, кто за борт сиганул, кто в шлюпки... Один я не растерялся, схватил морскую мину в охапку и, как окуроч, ее за борт вышвырнул. Затем другую, третью, четвертую... Все выбросил, а корабль и экипаж от верной гибели спас. Я спас, самолично... – радостно оскалился Гришка, должно быть, сам уверовав в свой подвиг. А, может, действительно он совершил героический подвиг, он, вроде бы, не из робкого десятка, когда выпьет, смело в любую драку ввязывается, даже когда один против троих.

– А знаешь, сколько в той мине веса? Триста кило, вот! Или чуть больше... Во флотской газете о моем подвиге писали... в «Боевой вахте». Мне даже хотели «Героя» дать, да что-то там у них не срослось – наверное, мой малый рост помешал...

Гришка перевел взгляд в небо, словно где-то там находился его следующий подвиг.

– А еще... О! Еще вспомнил! Три года назад это произошло... ты в отпуске была, помню, в Сибирь к себе уезжала. Я тут такое сотворил, такое! Жаль, свидетелей не было... Помнишь быка бабки Егорихи? Здоровый такой был, за шестьсот кило весом, красный из себя, с кольцом в ноздре. Не помнишь? Ну да бог с ним. Иду я, значит, себе, иду, никого не трогаю, а тут этот бычара вылетает и прет на меня, ну чисто эсминец на резиновую лодку. Да, я забыл сказать, что на мне была красная рубаха, она у меня одна такая на весь поселок была, на нее-то, видно, бык и клюнул, говорят, что красное их раздражает. Короче, прет он на меня, ажно пыль столбом. Я, как известно, парень не промах, ка-ак врезал ему! Не поверишь, одним ударом с ног сбил. Одним! Р-раз! – и он с копытков бряк! Улегся... Вот так-то, бригадир. Тут главное не сила – разум! Жаль, того быка зарезали, а то бы я мог повторить...

– Тьфу ты, иродова душа! – Я не выдержала его брехню. Гришка любого достанет своим, очень даже достоверным враньем, что-что, а этого умения у него не отнять. – Гришка, ну ты и баламут! Чтоб тебе пусто было и с твоей миной, и с твоим быком! Сколько же ты времени у меня отнял?!

– Ой! И правда, заболтался я с тобой, бригадир. – По всему видать, Гришка решил свернуть разговор – мужики могли, не дождавись его, сообразить и выпить. – Значит, не дашь трояк? Ну и ладненько, найду в другом квадрате, а вот за приятный наш с тобой разговор тебе отдельное спасибо! Можно считать, что мой день прошел не напрасно, я с тобой вроде как политинформацию провел, еще одну заблудшую на верный путь поставил...

Вот помело брехливое! Нет, Гришка неисправим! Однако я ему вдогонку не это крикнула – другое, дескать, чтобы к завтрашнему утру все пришли тверезые, надобно и кунгас, и лодки просмолить. Боюсь, что Гришка меня не услышал. Э-эх!

Баба Маня глубоко вздохнула, похоже, о чем-то жалея и, запахнув поплотнее платок на груди, возвратилась к воспоминаниям, рассуждениям, мыслям.

«Да, что ни говори, а мужики у нас любят выпить. Наверное, не только у нас: ведь мужик – он везде мужик, под рюмку родился, с рюмкой и поминают. Ведь тут что главное – меру знать, а вот с этим у нас издавна трудновато было, потому как народ мы, в основном, северный, холодам подверженный.

На родительский день была на городском кладбище, дочку проведать ходила. Иду – и диву дивлюсь, будто по району какая-то заразная эпидемия прошла – столько мужиков в последнее время полегло, хотя, вроде, и войны особо истребительной не было. Двадцати, тридцати, сорока годочков упокоившись, лежат – считай, молодые, в самой мужицкой силе, им бы жить да жизни радоваться. Появились новые могилки с надписью «при исполнении». Где погибли ребятки, на какой войне головушки свои сложили, за какую веру-правду – не узнать. Ну, с этими могилками понятно, в них солдатики лежат, страны защитники, честь им и слава,

и вечный покой. Хотя, если посмотреть с другой стороны, кого они защищали в далекой, чужой сторонке? Издавна наши правители любят не в свои дела ввязываться, хлебом их не корми – дай народные головы под пули подставить.

Ну да ладно, на войне не грех и головушку сложить за землю, за народ свой, а вот зачем себя добровольно водкой травить – этого я ну никак не пойму. Ведь люди мрут от нее, проклятушей, как мухи, недаром раньше говорили, что кабак построили горе да беда. Будь моя воля – я бы водку, это сатанинское зелье, в океан вылила, ей-богу, вылила бы и глазом не моргнула, все вылила, без остатка.

Однако вижу, что и это – не выход. Насмотрелась я на своем долгом веку, как с водкой у нас воевали: и запрещали, и выливали, и вырубали! И как только с ней не бились: и решительным образом, и самым решительным. Наверное, у нас ни с чем так сильно не боролись, как с ней, неистребимой да неиссякаемой.

Помню, как еще недавно очереди за водкой выстраивались, подлиннее чем в войну за хлебом; по талонам ее выдавали, опять же, как в войну – хлеб. Я хоть и не пью шибко – так, в праздник пригублю чуть-чуть, однако грешна, каюсь, тоже частенько в очереди стояла. Спрашивается – зачем? Да по привычке нашей неистребимой впрок запастись да опасаться, как бы не было войны. Все кинулись – я кинулась, все в очереди стоят – я стою, все водку хватают – я хватаю, все с ума посходили – и я не отстаю... Тьфу-ты! Куда меня занесло! А если по правде сказать, то водка в доме всегда пригодится: и по медицинской части, и особенно по хозяйственной, где-то она даже выгоднее денег идет.

Еще, кое о чем хочется сказать. Я вот до сих пор не могу понять тех, кто с пеной у рта утверждает, что всякая земная радость через стакан проходит. Ну надо же, через стакан! Меня это просто бесит! Господи, да какая может быть радость от этой проклятушей водки?! Радость должна приходить от жизни хорошей, от рождения детей, внучат, от нормального человеческого общения. А от водки какое общение? Известно, какое: драка, мордобой, ругань, а то и поножовщина... шут их возьми!

Я вот до сих пор всех своих мужиков по бригаде поименно помню, много их передо мной прошло, почти уже никого из них в живых не осталось, разве что тех, кто помоложе. Ну это не так важно, пока жив хоть один человек, с которым ты общался, память о тебе будет существовать, ну, а когда и он покинет белый свет, то только лишь в делах твоих память останется. Другое дело – в каких? Лучше, конечно, в хороших. Я что этим хочу сказать? Лишь одно: хорошие были люди, мои рыбаки. И жили они просто: с открытым сердцем, с душой нараспашку. А если и были между нами кое-какие трения или недопонимания – куда ж без этого? – то все это со временем позабылось, как говорится, было да сплыло, да быльем поросло.

Так вот, будучи бригадиром, боролась я со своими выпивохами, вернее – не с ними, а с их водкой. Помню, и засады устраивала, и ловила, и бутылки вдребезги била о камни, и на землю выливала, в море-океан швыряла – и что? Да ничего – бесполезно, проигрывала я вчистую. Спросят, почему? Да потому! Работа, считай, каторжная, особенно летом, с началом путины, когда горбуши – пропасть сколько идет, когда лодыря не погоняешь, баклуши не побьешь. Народ мой целый божий день в соленой, холодом обжигающей воде жилы рвет, километры мокрых сетей тянучи. Глядишь – вроде донельзя вымотаются, а едва на берег со шлюпки спрыгнут, тотчас гонца в магазин засылают... шут их задери! Так что, гляди за ними, не гляди – напьются. А даже если и углядишь, ответ один: после работы имею право. Ну, что тут еще скажешь? А если и запрещала – все одно напивались. Бывало, уступлю: пейте, черти соленые, сто грамм разрешаю. Да разве наш народ ста граммами обойдется? Ну не паразиты ли, а? Чистой воды паразиты... Давно заметила одну любопытную штукенцию. Идем на моторке с невода. Я сижу на корме, рулю, за своими мужиками наблюдаю. Лица у них уставшие, хмурые, мрачные... еще какие бывают? – озабоченные, недовольные. Если в двух словах – лица бунтовщиков. Точнее не скажешь. Опосля смотрю – на берег ступили, сообразили, выпили – и уже совсем другое

дело: лица порозовели, сами подобрели, шутить начали, во весь рот смеяться. Видите, что водка делает с народом? Вот что я бы предложила нашим головастым ученым: уважаемые вы наши, придумайте вместо водки проклятушей, какие-нибудь безобидные таблетки под названием «Заменитель водки» или еще лучше – «Таблетки доброты», чтобы если выпил человек, то ходил добрый, веселый, обходительный и, чтобы у него с похмелья головушка не болела.

Н-да... Кто-то, наверное, скажет: ты бы им еще парного молочка предложила... из-под бешеной коровки. Я б, конечно, за словом в карман не полезла, ответила бы, как отрезала: если вы такие умные, придумайте что-нибудь получше. А я со своими мужиками сама разберусь. И разбиралась... Ох, и крыла же я их, ох и крыла! По утру стоят, виновато головки опустив, из себя хмурые, опухшие, а я их таких-сяких-разъедаких, почем свет стоит крою. Нет, не обычным нашим шибко злым матом, от которого чайки в воду падают, а нерпы ушки затыкают (я сроду так не материлась, ни тятенька, ни маменька меня этому не научили) – нет, я их крыла своим, морским матом, скорее даже не материла – обзывала их и бычками дохлыми, и вьюнами скользкими, и минтаем лупоглазым, и селедкой протухшей, и акулами зубастыми, и крабами трусливыми. Короче, всю живность, что к нам в невод попадала, ту я и вываливала на их пьяные головушки. И что вы думаете? Со временем они к моей морской ругани привыкли, как малый ребенок привыкает к соске, и даже с интересом ожидали моих опохмеляющих концертов. Я надрываюсь, а они стоят, опустив натруженные ручонки, улыбаются хмельно, во весь рот, и такие прямо довольные – дальше некуда. Так что, ругай, не ругай – рыбацки мои всегда находили повод выпить, чаще всего такой, что оставалось только рукой махнуть, дескать, делайте, что хотите. Иногда они еще и оправдывались: бригадир, ей-богу, не хотели выпить, но ты пойми: как не поднять стакан в день открытия партийного съезда... или профсоюзного, не говоря уже о комсомольском; или как не отметить возвращение космонавтов, что туда-сюда стали мотаться, как к себе домой; а не поздравить нашего любимого вождя с очередным ордемом – это вообще грех; а не помянуть, если кто-то там наверху помер – опять же, неудобно. Как видим, причин выпить у моих подчиненных – море, только успевай в стакан подставлять да наливать. Вот так и жили.

Очень хорошо помню, как я на своих мужиков однажды, ой как крепенько обиделась. Сейчас-то я понимаю, что глупо это было, даже скорее смешно. Сейчас, но не тогда... А тогда выпили они по причине... дай бог памяти! – приближающегося коммунизма, вот! Помню, избегалась я, ну прямо сама не своя: надо сети готовить, просмолить, развесить, просушить – бьюсь, как рыба о лед, а мужиков моих как на зло, нет и нет. Пусть и воскресенье сегодня, так ведь договорились выйти, рыба ждать не будет. Не видно их, а это для меня прямо, как казнь египетская... Ага, вижу, кажись появились, шут их задери! Точно, со стороны поселка спускаются с горочки. По расхлябанным походкам вижу, что выпивши. Слышу – музыка, поют. Наверняка опять причину для пьянки нашли, хотя, вроде бы по отрывному календарю ничего праздничного не намечалось. Ладно, узнаем... Гришка, как всегда, впереди с баяном вышагивает: заводила! организатор! народ частушками похабными веселит:

Мы Америку догоним, опосля и перегоним!
Башмаком ей настучим, мы ее поставим раком
И большим советским гаком...
Опа-опа-опа! Америка-Европа!

Тьфу! Не частушки – одна срамота. Но народ хохочет, нравится, веселится народ.

Подожли, рассредоточились за Гришкиной спиной, смотрят вопросительно, смело, и даже нагло, глазенки не прячут, дескать, ну что, бригадир, начинай проработку, мы-само внимание. В грош меня не ставят. А что мне оставалось делать? Уйти? Или надуть губки бантиком и молчать? Нет, это не в моих правилах.

– Мужики, – спрашиваю строго, – вы почему выпили, что за повод? Мы же договорились сегодня поработать, а вы что творите? Скоро невод ставить, а вдруг рыба возьми да пораньше подойдет, чем мы ее встретим, ну чем? Вашими частушками?

Смотрю, притихли, головки виновато приспустили, один Гришка меня не шибко испугался, должно быть, больше всех выпил, или шибко авторитетного да грамотного из себя строит, вон и газета из кармана не зря торчит.

– Бугор, ну зачем ты ударилась в амбицию? – спросил, будто сквозь зубы сплюнул. – Или тебя африканская муха укусила... забыл, как она называется. Ну что ты нас за горло берешь? Имеем мы законное право в воскресенье по капельке выпить? Имеем! Так что, ты это, не лезь в бутылку, не тронь нас, соответственно, и мы тебя не тронем. Не искушай судьбу, отойди...

Я молчу, только про себя думаю: с чего это шут гороховый так осмелел, неужто по пьяни мужики его бригадиром избрали? Тогда почему втайне, не во всеуслышание, без общего собрания? Нет, его смелость в чем-то другом. Интересно, в чем?

– Все, бугор, кончилась твоя власть, другие времена наступили, – объявил Гришка торжественно. – Что рот раззявила? Мне не веришь? На газету почитай, там ясно черным по белому все расписано... – И газету мне протягивает.

Я отмахиваюсь, дескать, у меня руки в смоле, не видишь, что ли. Затем, все-таки спрашиваю:

– Ну и что там, в твоей газете?

– Ага, заинтересовалась! Ладно, слушай меня внимательно и мотай на ус. Наш первый секретарь Никитка... ну, Хрущев, полную свободу народу объявил, во как! Полную волю-волюшку! Наконец-то! Дождались! – заорал Гришка, будто до этого он в железных цепях сидел. – Так что, кончай гнать на нас свои мины, бригадир, беги за тралом... я хотел сказать, беги за бутылкой, вместе отметим.

– Чего отметим? Какие еще мины? Какую волю? – непонимающе спрашиваю я. – Волю каждый день водку хлестать, что ли?

– И ее, родимую, тоже, – нагло ухмыляется бывший минер с эсминца «Бойкий». – Ты еще главного не знаешь. Никитка всемирно объявил, что через двадцать лет у нас наступит полный коммунизм, вот! Полный и безоговорочный! Двадцать лет! Ждать, конечно, долго, но мы народ терпеливый, можем и подождать, отмены крепостного права вон сколько лет ждали – и ничего, дождались, и здесь подождем. А ты знаешь, что будет при коммунизме? – неожиданно спросил он.

– Не знаю! – зло ответила я, не особо веря этому брехуну. – Зато я знаю, что будет сейчас. Где мое весло? Сейчас я всю вашу пьяную шайку хорошенько им опохмелю... – И ищу, ищу глазами весло, мое любимое орудие производства и наказания.

– Э-э, бригадир, стой, стой! – Гришка пьяный-пьяный, а шкурой боль весла почувствовал, живенько отскочил, и лишь упершись спиной в монолит мужиков, как по телевизору говорят, призвал к диалогу. – Слышь, бугор, так дела не решаются, брось весло, дай слово сказать.

Я весло к ноге приставила, рукой махнула, мол, говори. Он баян на плече поправил и выдал следующее:

– Ты это... ты у нас баба понимающая, должна в ситуацию вникнуть и сделать для себя выводы. А ситуация при наступившем коммунизме будет такой: во-первых, всеобщее равенство, повторяю: все абсолютно равны, хоть бригадир, хоть – рядовой рыбак; во-вторых, по всей нашей огромной стране отменяются деньги, этот презренный металл, которого вечно не хватает...

Я, помню, ладонью рот прикрыла: как можно без денег?

– ... Ну, а в-третьих... в-третьих, широко распахнутся двери абсолютно всех магазинов, без разницы, что продуктовых, что промышленных: заходи, народ, бери, что твоя душа пожелает! И никаких тебе денежек, все бесплатно! Лафа, братцы!

Гришка радуется, горло дерет, руками размахивает, мужики, губенки раскатали, слюнки пускают в ожидании халявы, а я... а что я, как дура стою и не знаю, что делать, стою – и молчу. Нет, что мне еще остается делать – радоваться, как все? А что если он, как всегда, врет? Хотя, не похоже, опять же газета. А если это чистая правда, то это так здорово, что даже не верится! А, хотелось бы...

– Бригадир, если честно, мне тебя искренне жалко. А знаешь, почему? – Гришка, должно быть, почуяв мою временную слабость, перешел в наступление и, судя по всему, норовит обидеть. – Боюсь, не доживешь ты до полной победы коммунизма. Опять же, ты годами постарше нас всех будешь, а это, согласишься, серьезный аргумент. Это первое... Пойдем дальше... Во-вторых, ты не пьешь, не куришь, что – научно доказано! – губительно влияет на женский организм. Заметь – не на мужской, на женский! Ну, а в-третьих, ты все свои нервы истрепала в борьбе с нами, а они, да будет тебе известно, не восстанавливаются. А сколько ты их еще истреплешь за двадцать лет: ого-го! Нет, не видать тебе коммунизма, как нерпе – собственных ушей, вот! Жаль, конечно, но таковы эти... как их там? – регалии... нет, реалии земной жизни. Стою я, как оплеванная, и с горечью думаю: «А ведь действительно, могу и не дожить, ведь еще целых двадцать годков ждать надобно, как долго! Это сколько же мне будет? За шестьдесят. Ого! Многовато. Это что же получается, мои рыбачки будут бесплатной жизнью наслаждаться, а мне – вечная память? Да они, может быть, меня добрым словом не вспомнят, вон как на меня смотрят, как морской бычок на пустой крючок. Какая несправедливость по отношению ко мне! Обидно... Меня саму будто по голове веслом ошарашили: на-а, получи!

И такая на меня великая обида накатила на мужиков, что не приведи господи, глаза бы мои их не видели, уши не слышали, нос не чуял.

Опосля, успокоилась я, себя убедила, что в этой жизни ничего бесплатно не дается, ну разве что болезнь. И я оказалась права, через двадцать лет о приходе коммунизма никто и не вспомнил. Так, получается, и Гришка оказался прав: не дождалась я халявы, так же, как и нерпа не увидела собственных ушей. Впрочем, никто не дождался халявного коммунизма: ни Гришка, ни другие мои подчиненные, ни весь наш добрый, наивный народ. Ну и бог с ним, с коммунизмом этим. Лишь бы войны проклятущей не было, а жизнь пусть катит своим чередом.

Давеча глянула в телевизор и руками всплеснула: бог ты мой! сын того самого Никиты Сергеевича Хрущева, что раньше нами правил, стал гражданином Америки! Это как понимать? Значит, он туда жить подался, к чужому коммунизму примазался... ну не гад ли?! Стоит, уже не по-нашему лыбится во весь экран, из себя весь такой сытенький, гладенький, кругленький – ну вылитый отец. И такая, смотрю, его гордость распирает, будто он – большой стеклянный поплавок проглотил. Дескать, смотрите все: я – гражданин Америки! Вот дурень, нашел, чем гордиться. Да узнай про это его отец, наверное, сто раз в гробу бы перевернулся. Что же это за времечко такое наступило, раз дети таких важных родителей за границу бегут? Неужели, все у нас так плохо? А ведь его отец Никита Сергеич, вроде как неплохим мужиком был, хотя и не без некоторой придури. Это же он, кажись, нам, колхозникам, паспорта выдал – и за это ему спасибо! Говорят, он лагеря открыл, невинных на свободу выпустил – за это его можно и нужно благодарить. А вот Крым он зря отдал, должно быть, по пьяни, или утречком не с той ноги встал. Хотя, при чем здесь левая нога или правая, тут скорее, опять водка проклятущая виновата, куда ж без нее? Старая я, давненько примечаю, что у нас серьезные дела, будто по пьяни вытворяются. А что, разве не так? Должно быть по пьяни, один президент такую страну одним махом развалил, сейчас другой пьяница с друзьями бог знает, что с ней вытворяет, может почище Хрущева отчебучить, например, напьется до свинячьего визга,

да и продаст весь Дальний Восток вместе с Сибирью – японцам или китайцам... шут их всех забирай! А что, запросто может! Смотрю он, кажется, готов за рюмку – полстраны бесплатно раздать, лишь бы показать всему миру, мол, смотрите все, какие мы русские: добрые, щедрые, великодушные!

Опосля получится, как всегда. Помрет он, объявят его или плохим, или наоборот, хорошеньким, гладеньким, пушистым. Ну, это смотря, кто к власти придет. У нас любят мертвых пинать да лягать. Сначала вознесут до небес, молебны им поют, опосля грязью поливают, из памяти народной стараются вычеркнуть. А что, милое дело, мертвые сраму не имут, они беззащитны, им ни за что уже и не стыдно, бей их, стирай в порошок! Разве я не права? Так было и с царями, и с Лениным-Сталиным, с Хрущевым-Брежневым, так будет и с нынешними президентами — все будет, тут и в церковь не ходи. Впрочем, проживем – увидим.

К слову сказать, та моя давняя обида на моих мужиков давным-давно прошла, да, почитай, сразу же и прошла. Нельзя в себе обиду долго держать – для организма вредно. Да и не обида это была вовсе, а так, детская глупость взрослых людей. Верили мы тогда (да и по сей день верим) всему, что вожди наши нам обещали. Верили про социализм-коммунизм давешний, сейчас в предложенный нам капитализм верим, в какую-то демократию ихнюю. Всем верим. Верим, что скоро хорошо заживем, как где-то за границей живут. Верим, а куда деваться? Наверное, мы наивный как дитя, народ, но уж какой есть такой есть. Я и на Гришку не обижаюсь, какой уж он был, такой и был: если он впрягался в работу, то весь, без остатка, до хруста в костях, а уж если пил... Как он пил, зар-раза! Ну да ладно, что было, то прошло, кто из нас не без греха. Мне Григорий запомнился не опухшим или сморщенным, особенно в последнее время, а веселым, шустрым, компанейским мужиком, у которого карманы полны шуток, прибауток с едкой подковыркой, с легкой ехидцей, с безобидным смехом. Такой, если и соврет – недорого возьмет.

Бывало, сидим среди качающегося океана, подход рыбы ждем, сети раз за разом впустую перебираем, а рыбы все нет и нет, хоть ты лопни! Люди от напрасного ожидания, от тяжелой работы вымотались, носы повесили, готовы от злости весла грызть, и тут только Гришка и выручал. Сморозит что-нибудь этакое, на ходу свежий анекдот выдумает, частушку похабную выдаст – и вот уже смех, хохот, шутки, от мрачного настроения и следа не осталось. Нет, наверное, он не зря школу марксизма-ленинизма в армии заканчивал.

Жалко Гришку... Бедняга! То он, что-то или кого-то обмывал, а тут самого недавно обмыли. Эх, Гриша, Гриша! Вроде бы, незаметно, а жизнь у мужика прошла, пролетела. А ведь не скажешь, что впустую – кучу детишек после себя оставил. Он так и говорил про них: «Вон моя орава бежит, защита моя, надежда...» Слова-то какие красивые, надежные: защита, надежда. Всех своих детей, а их у него шестеро было, на ноги поставил, в люди вывел, ни одного в интернат не сдал, так что, считай, крепкую о себе память в потомках оставил.

Давно ведь известно, что люди по-разному живут, всяк по-своему про жизнь понимает, а как понимает, так, стало быть, и живет. Опять же, можно пример привести. До недавнего времени проживали у нас в поселке пенсионеры – муж да жена бездетные. Откуда они к нам приехали – никто не знал, да и особо не интересовался: живут – и пусть себе живут. Вот и жили они тихо и незаметно, никому вреда не делали, как, впрочем, и добра. Как жили? Да обычно жили, если не сказать бедно, хотя у обоих и пенсия была неплохая, к северу приравненная, и коровенку держали, и огородишко имели приличный, соток на двадцать. Все, что от коровы, от огорода – все в город уходило, на рынок. Утречком глядь – они нагружены свертками, узелками, бидонами – и айда на «большую дорогу» голосовать, военные машины останавливать. Слышала я, что про них в поселке болтали – мол, за грош с колокольни спрыгнут, потому как ой, какие жадные. Может, и спрыгнут, может, и жадные, только вот мало ли что народ болтает, у каждой сплетни язык длинный, без костей. А оказалось, что не зря про них говорили. Это выяснилось только после их смерти, потому как ушли они в лучший мир единовре-

менно – угарным газом задохнулись, видно, заслонку на печи рано прикрыли. Только через неделю дверь вскрыли. Зашли и ахнули: ах! – потому как в избе кругом деньги, деньги, деньги! И на столе, и на полу, и в руках у покойников деньги. Много денег. Ну это и понятно, почему – в ту пору обмен денег происходил. Должно быть, они обменять хотели, все свои заначки-сбережения на божий свет вытащили, считать их принялись, радоваться, мол, вот какие мы богатые. Наверно, от большой радости и печную заслонку ранехонько прикрыли, отчего и угорели, бедолаги. Такая вот бытовая сказка получилась: жили-были дед да баба, денежку копили, каждую копейку считали, дрожали над ней, во всем себе отказывали, а конец получился не сказочный: ни себе, ни людям – все прахом пошло. Врагу не пожелаешь ни жизни такой, ни смерти.

Нет, Гришка другой был. Этот, бывало, в лепешку готов расшибиться, однако любому постарается помочь, коль кто его о помощи попросит. Раньше бы его прозвали бессребреником – человеком, согласным на любую работу и не берущим за нее деньги. Гришка был из таких... ну, разве что стакан-другой поднесут, тут он не мог своему организму отказать.

Заходил он ко мне... как бы не соврать, когда... да! как раз за два дня до своей смерти заходил. Я как его увидела (сама-то я пару месяцев в городе жила, внучке по хозяйству помогала), так мысленно и ахнула: ах ты Господи, как же он сдал! Вроде, еще и не шибко старый, а седые волосы в стороны клочками торчат, сгорбился бедолага, будто деревце под напором ветра. Ох, как сильно подкосила его смерть старшенького Саньки, погибшего где-то на Кавказе. Любил он его шибко, гордился им, мол, в старшие сержанты сынок выслужился, тогда как я сам с пустым матросским погоном вернулся. Когда солдатики гроб привезли, то вскрывать его отчего-то запретили. Вот и гадай опосля: кто в том гробу лежит. Оттого-то и боль потери еще сильнее, однако ж тут и надежда остается: а что если жив Санька, вдруг в плену где?

Помню, зашел Григорий, шапку-ушанку скинул, поздоровался, а сам по сторонам так и зыркает, и зыркает. Понятненько, отчего. Однако впрямую не просит, мол, сделай одолжение, налей сто грамм. Нет, обходным маневром заходит, оседлал любимого конька, завел в последнее время тему любимую – про ваучеры проклятущие. Вспомнил! Я про них давным-давно успела позабыть, рукой махнула, дескать, ну, обманули наши правители народ свой – эка невидаль! Не впервой же, пора и привыкнуть. У нас завсегда народ обманывали, правда, не так нагло, не так беззастенчиво, как при нынешнем Борьке – алкаше (пуст ему на том свете зачтется этот обман, горюшко народное!). Я-то позабыла, а вот Гришка – нет, все помнит и даже себе в голову втемяшил, что из-за этих самых паршивых бумажек он плохо живет. А было у него их, должно быть, штук восемь – по штуке на каждого члена семьи.

«Бригадир!» – Гришка застучал по столку кулаком. – Ну отчего я такой невезучий?! Видно, не в той рубашке родился. Получил я от государства восемь ваучеров, вроде как в каждом ваучере сорок тысяч рублей. Ого-го! Сорок тысяч – в одном! Представляешь, какая это сумма?! А если сорок тысяч умножить на восемь человек, это сколько будет? Погоди, погоди... Триста двадцать! Ни-че-го себе!! А если взять в старых деньгах... Нет, не могу перевести, ни ума, ни знаний не хватает. Знаю, что много, ой, как много! Представляешь, я бы на эти деньги, наверное, мог скупить весь наш поселок с кунгасом, шляпками, сетями. Запросто! Да еще бы целый год... нет, два – водочку попил. Ох, и дурень же я, еще какой дурень! И зачем я вложил все свои ваучеры в этот чертов «Мэ-Мэ-Мэ»?! Н-да... Ведь какие проценты обещали! И даже, будто за ручку вели! И кто – газета «Правда»? Ну как можно было газете «Правда» не верить? Ну как?! Как она обещала, помнишь? «Вложи сто – через полгода получишь шестьсот!» Или через год? Не помнишь? Нет? Ну, не важно... Шестьсот... тысяч! Мама родная, голова шла кругом от таких перспектив. А я ведь еще окромя ваучеров и деньги вложил, что на лодку копил. А что из всего этого получилось? Да ничего – мыльный пузырь! Ну, и кто я после всего этого, а, бригадир? Ну ответь мне, кто?» – «Гришенька, – как можно ласковее говорю я, – успокойся, не ты один в дураках остался, я свой ваучер в «Хопер» послала, шибко мне его владельцы понравились – молодые, симпатичные, деятельные. А какие они умные речи гово-

рили, дескать, кто Россию с колен поднимать будет, если не мы сами, весь народ наш. Прямо заслушаешься, как они правильно говорили. А, какие блага земные обещали – сказочные. И я, дура старая, клюнула, как тот глупый окунек на наживку...»

Гришка будто не слышит меня, ходит по комнате, во все углы заглядывает, бормочет как бы про себя: «Надули сволочи, объегорили, с носом оставили, в дураках! С нищего последний носок сняли... на стариковы копейки позарились... ну, не гниды ли, а?! Лучше бы я на те деньги хлеба накупил, наверняка бы его всей семьей целый год трескали... а, если б его на сухари, на всю бы жизнь хватило... и внукам бы осталось... ни стыда, ни совести нет, ни у „Правды“, ни у „Первого канала“. Бригадир, у тебя случаем выпить не найдется? Нет? Жаль, я бы сейчас выпил понимаешь, душа горит. Ну да ладно, пойду я...»

Ушел Гришка... навсегда ушел. Вскорости, помер он, сердце остановилось. Шло, шло – и разом сломалось, будто у лодочного мотора ресурс исчерпался. Ну все, сдал Гришка свой «Варяг», окончательно сдал, бесповоротно. Все его детишки на отцовых похоронах присутствовали, кроме погибшего Саньки, да еще Юрка не смог приехать (Юркой его отец назвал в честь первого космонавта), он где-то далеко-далеко служит, говорят, таджиков на границе защищает. Кто бы нас, стариков – пенсионеров защитил? Да, жалко Гришку, ну почему я тогда не нашла ему сто грамм, ведь была же у меня припрятанная бутылка...»

Баба Маня встала с табурета и, подойдя к печке, поворошила кочергой дрова – в лицо полыхнуло жаром.

6

Подводники разбежались по боевым постам. Лодка оглядела пустой пирс. «А где же командир? Без него лодка в море не выйдет», – подумала она и тут же вспомнила, что командира вызвали в штаб. Наверное, он уже доехал, надо быстро найти его. И «Варшавянка», опять самовольно выдвинув перископ, найдя помпезное здание штаба соединения, включила акустику.

– Товарищ контр-адмирал, капитан второго ранга...

– Да ладно, ладно, вижу, что прибыл, – довольно грубовато прервал доклад командира лодки командующий базой – коренастый, подтянутый мужик в адмиральском мундире. Он вышел из-за огромного полированного стола и, подойдя к подводнику, энергично пожал ему руку, чем удивил лодку. «Ого! Самолично из-за стола вышел, руку пожал, в какие времена такое случалось? – подумала она. – Только когда с успешной „автономки“ возвращались и, адмирал нас на пирсе встречал с поросенком в руках. А с чего это сейчас он так любезен? Интересно, интересно...»

– Здравствуй, Вадим Петрович. Ну как, не устал отдыхать? – спросил адмирал, глядя в глаза командиру.

– Если честно, устал, – сдержанно улыбнулся командир.

– Понимаю... Здоровье-то как? В норме? Не шалит? – задавал адмирал обычные дежурные вопросы. – Ты уж извини, что пришлось прервать твой отпуск, как говорится, нужда заставила. Да ты садись, Вадим Петрович, садись, разговор нам с тобой серьезный предстоит, опять же, как говорится, лирику оставим на потом. Слушай меня внимательно. Получена шифрограмма от командующего флотом с пометкой «срочно! экстренно! сиюминутно!» Улавливаешь? – спросил он, энергично потирая подбородок правой рукой. – Приказано скрытно отправить лодку в квадрат 16—47. Повторяю: срочно, экстренно! Притом-скрытно. И никак, иначе. Не знаю, какой их там в штабе флота петух клюнул, однако сам знаешь, приказ есть приказ, а его необходимо выполнять. К тому же, приказы не обсуждаются, а подлежат исполнению, точно и в срок.

Контр-адмирал подошел к огромной карте Тихого океана, висевшей на стене – карта выглядела довольно-таки старой и была вся испещрена пунктирными линиями от цветных карандашей.

– Та-ак, и где этот наш чертов квадрат? Ага, вот он где, змей, притаился. Теперь понятно, откуда ноги растут, наша база ближе всех к нему расположена... Но почему так срочно, экстренно? Что за спешка? – бормотал он, прищурено глядя в синеву океана. – Ну, да что попусту гадать, Вадим Петрович, что ты об этом квадрате скажешь? Ведь ты, насколько я информирован, неоднократно в нем бывал, так?

– Так точно! – Командир вскочил. – Товарищ контр-адмирал, мне бы подготовиться, карты посмотреть, в старые журналы заглянуть.

– Нет! – резко отказал адмирал. – Нет у нас времени в карты заглядывать. Докладывай, что помнишь.

«Варшавянка» тотчас многое что вспомнила о квадрате 16—47, отчего и приготовилась кое-что подсказать командиру, но тот уже и без ее помощи принялся докладывать, что знал.

– Есть доложить... Товарищ контр-адмирал, ничего примечательного, а тем более, заслуживающего нашего особого внимания в этом квадрате нет: район как район, обычный. Разве что большие глубины, местами до трех тысяч метров. Грунт – ил, песок, якорь держит хорошо. Часты штормовые ветра, особенно весной и осенью. С мая по сентябрь наблюдаются густые туманы. Число дней с туманом в среднем колеблется до 22 дней в месяц...

– Густые туманы – это хорошо, это нам на руку, – перебил адмирал докладчика и махнул рукой, мол, продолжай.

– Соленость, плотность воды обычная для этой части Тихого океана. Что еще? Зимой восточный ветер забивает этот квадрат дрейфующим льдом...

– Хватит! – опять махнул рукой адмирал, но на этот раз как будто сердито. – Никакой зимы! Приказ должен быть выполнен сейчас, и только сейчас! Именно сейчас! – повторил он, затем недобро сощутив глаза, сказал: – Значит, ты говоришь, что ничего примечательного в этом квадрате нет, так, по-твоему? Тогда будь любезен, ответь мне, что в твоём ничем не примечательном квадрате делают наши, так сказать, новоявленные «друзья», в кавычках, конечно? Я имею в виду американцев, этих чертовых вездесущих янки! Что они шныряют по этому квадрату, как крысы возле забитой дыры? Для чего воду цедают? Может, они там что-то забыли? Или просто ради интереса шастают? А вдруг, что-то еще? Но что?!

– Может, учения проводят? – осторожно осмелился предположить командир лодки.

– Учения? Может быть... Но почему так близко от наших берегов? Почти что одной ногой стоят в наших территориальных водах, по самому краешку лезвия ходят, ну не наглецы ли, а?! Это очень уж похоже на провокацию, янки – известные мастера по грязным делам, сам знаешь... – Адмирал пару секунд помолчал, затем зло ткнул пальцем в карту. – Вот подлецы! Все втихушку, втихушку, даже между собой не переговариваются, видно, чтобы нашего внимания не привлекать. Ну, змеи! Сидеть им трижды на мели, и еще кое на чем! – своеобразно, должно быть, по-адмиральски, выругался он. – Знаешь, сколько их там? Вместе с ракетным крейсером «Белкнап» еще шесть вымпелов, и, что меня смущает – все разного назначения. Целая эскадра... Что молчишь, давай, выкладывай свои соображения, не все же адмиралу голову ломать над этой непростой проблемой.

«Варшавянка», как опытный киношный оператор, выхватила командующего крупным планом. Вот он, отойдя от карты, упал в кресло и, тяжело поворочавшись, точно слился с чернотой кожи. Было хорошо видно, что он как бы исподлобья наблюдает за командиром. «Хитер адмирал, – сделала вывод „Варшавянка“. – Наверное, уже давным-давно принял какое-то свое решение, а моего командира продолжает мучить, нравится ему это делать, есть такой тип людей, насмотрелась. Мог бы дать время командиру подумать, так нет же, вынь да поднеси ему решение проблемы сейчас, немедленно, сию же минуту. У моего командира не сто голов – одна! а у адмирала полный штаб бездельников!» – И «Варшавянка» недовольно фыркнула. Командир, словно почуяв присутствие своей лодки, встрепенулся.

– Разрешите, товарищ контр-адмирал, – попросил разрешение и, получив согласие в виде кивка головой, принялся выкладывать свои соображения, предположения, версии. – У меня есть несколько версий. Наиболее достоверными являются следующие... В квадрате 16—47 потерпела аварию и затонула атомная подводная лодка «Флорида», типа «Огайо», с ракетами «Трайидент» на борту, что постоянно паслась, извините – дежурила в тех водах... Также вполне возможно, что американцы потеряли в этом квадрате крылатую ракету «Томагавк»... Не исключаю, что ими была утеряна новая скоростная, бесшумная, самонаводящаяся торпеда... допускаю, что в том квадрате упал тяжелый бомбардировщик технологии «Стелс»... или затонул сверхсекретный орбитальный спутник-шпион, или... – Он замолчал.

– Что «или», рожай быстрее! – нетерпеливо поторопил командующий.

– Или американцы нашли в этом квадрате нефть! – должно быть, желая разрядить обстановку, командир не нашел ничего лучшего, как пошутить. Однако он неудачно выбрал время – гнев обрушился незамедлительно.

– Нефть?! Какая, к такой-то матери нефть?! – виртуозно матерно выругавшись, адмирал раздраженно хлопнул ладонью по столу, да так сильно, что стоявший на столе макет подводной лодки типа «Тайфун» подпрыгнув, упал плашмя, что напугало хозяина кабинета. «О,

черт побери! Дурной знак», – прошептал он, быстро устанавливая макет на пьедестал. Затем повернулся к капитану второго ранга.

– Извини, Вадим Петрович, с утра сам не свой, как назло то одно, то – другое. Сначала матрос – первогодок караул с оружием покинул, потом эта шифрограмма от командующего флотом, все будто один к одному, а тут еще шутки твои неуместные. Ну да ладно, прошли и забыли, перейдем к делу. Версии твои, конечно, дельные, стоит на них обратить внимание... кроме, этой дурацкой нефти. Я тоже подумал, что они там наверняка кое-что ценное потеряли. Но вот что? Так вот, теперь наша первейшая и основная задача – узнать, что именно и, по возможности перехватить это самое «что». Разумеется, по-тихому, незаметно, без шума и пыли, как говорил один киношный герой. Узнаем, «что» – незамедлительно пошлем в квадрат другую лодку, с водолазами и прочей полезной аппаратурой. А американцев оттуда постараемся шугануть, объявим, что начинаем ракетные стрельбы в этой части океана. А после окончания всей этой хитроумной операции сделаем вид, что мы ничего не знаем, и в том квадрате давненько не были. Надеюсь, ты умеешь хранить наши военно-морские тайны?

– Так точно, товарищ контр-адмирал! – по-уставному четко ответил командир. – Задачу понял!

«Варшавянка» тоже догадалась, что именно ей отведена главная роль в предстоящей операции. Значит, наши желают узнать и, по возможности – выкрасть у американцев что-то очень важное и нужное нам. Выкрасть —как-то уж грубо звучит! А если по-другому: не выкрасть, а взять, добыть, получить законную военную добычу. Законную! Только так, и никак иначе!! Ну, а самое главное: она идет в поход! В оке-а-ан!!!

– Говоришь, понял? И правильно понял, именно твою лодку и, соответственно тебя, я выбрал для выполнения этого весьма и весьма ответственного задания. Поздравляю! – адмирал дружески кивнул командиру лодки, тот бросив руки по швам вскочил, на что командир базы великодушно махнул рукой.

– Да ты сиди, сиди... Я выбрал именно тебя. Почему-знаешь? Во-первых, ты один из моих лучших капитанов подводников и, как я убедился, у тебя прямо-таки энциклопедическая память; во-вторых, именно ты лучше всех знаешь этот чертов квадрат, к тому же, ты хоть и немножко, но отдохнул в отпуске; ну а в-третьих, в океане свою тоску-кручину разгонишь, а то мне тут успели доложить, что твоя семейная лодка дала течь...

– Это к делу не относится! – задиристо, с вызовом буркнул командир лодки.

– Ну, не скажи, еще как относится, – парировал вызов адмирал, недовольно нахмутив брови. – Крепкая семья – надежный тыл флота. Я бы сказал по-другому: сильна семья – силен флот! И вообще, что у вас молодых за мода такая пошла – старших перебивать, да еще – старших по званию? Мне лучше знать, что и куда относится, понял? Да сиди ты! Сиди и не дуйся, давай пока оставим твои семейные дразги на когда-нибудь потом; надеюсь, они не помешают тебе выполнить задание. Не забывай, что мы с тобой моряки подводники, а значит, волки битые и штормами океанскими, и семейными дразгами. И ничто нас не должно выводить из равновесия. Так, Вадим Петрович?

Командир лодки ничего не ответил. «Варшавянка» решила, что командир, возможно, уже всеми мыслями находится на лодке, готовится к непростому походу.

– Обиделся, что ли, Вадим Петрович? – по-своему понял молчание капитана второго ранга командующий. – Ну ты мне это брось, брось. Нашел время обижаться... Да если быть честным до конца, то признаюсь – я посылаю тебя в этот сложный поход на твоей старушке не от хорошей жизни, понимаешь? Нет у меня лишних лодок, ну нет! Одни в океане, на боевом дежурстве находятся, далеко от этого квадрата; другие, – он кивнул в сторону окна, – кто в доках, кто у причалов ремонтируются, сам знаешь, стареем потихоньку, а новые лодки – увы! – пока не предвидятся, может, в туманном будущем. А те, что из «автономки» вернулись, отдыхают, в себя приходят, сам знаешь, каково им там приходится. Так что, осталась одна

твоя лодка, одна-единственная, так сказать, наша палочка-выручалочка. Одна – но какая! Я бы сказал, геройская лодка! Так вот, иди и докажи, что не зря ее вороги наши называют Черной дырой; иди, капитан, пощекочи америкосам нервишки, пусть не расслабляются. А главное, разузнай, чего они там подобно муравьям копошатся... Так ты говоришь, туманы там часты? Это то, что нам нужно, это нам как раз на руку! Под прикрытием тумана, ты к ним насколько это возможно подберись и за яйца этих беспардонных янки потрогай... разрешаю.

Пугающе резко зазвонил один из множества телефонов. Адмирал быстро схватил трубку – он явно ждал этот звонок.

– Ну что, что?! Взяли? Живым? Ну, слава богу... Где? В дачном поселке? В домике? Что? Спал? А где автомат? При нем? Фу-у... Сказал, почему покинул пост? Обижали? Так я и думал. Что еще говорит? Соскучился? Ну и по ком? По маме с сестренкой? Понятно... Что особист предлагает? В трибунал? За дезертирство? За хищение оружия? Четыре года грозит? И кто такой умный? Гарнизонный прокурор? Тоже молодец! Пацана глупого, мальчишку – на четыре года: отлично... в душу мать! Ты вот что, передай этому умнику, что ни нам, ни всему флоту эта лишняя шумиха ни к чему; между прочим, и ему тоже. Скажи, пацан заблудился, мол, в туалет захотел, не туда пошел... к тому же, он оружие сохранил, не бросил... хотел вернуться, не успел. Придумай что-нибудь правдоподобное. Что? Куда его девать? Куда, куда?! Отшлепай, и верни в часть! Назад, говорю, в часть где служил! До дембеля дневальным, к тумбочке приковать! И никакого ему оружия, только штык-нож... самый тупой! Ну что тебе еще? Заплакал? Кто? А-а... Что-о?! Возвращаться в свою часть не желает? Бойтся? Так придумайте что-нибудь! Объявите десять суток лично от меня! И в одиночную его! Что, одиночных для рядового состава нет? Так в мичманскую посадите, в офицерскую! Пусть пока посидит, потом что-нибудь придумаем. Ну все, объявляй отбой...

Адмирал положил трубку и, хмуря белесые брови, прошелся по кабинету.

– Надо же, плачет матросик, ну чисто ребенок, обижают его, он, видите ли, по мамочке соскучился, пирожков домашних захотел... сосунок! И вот такая молодежь на флот нынче идет. Два года не могут нормально отслужить, всего два года! М-да... Раньше, помню, проблем с набором не было, молодежь сама на флот рвалась, и какая молодежь: орлы, как на подбор! Выбирай любого! А что сейчас? Сейчас, смотрю, во всех грехах наострились армию обвинять, флот. Не могут понять, что целых восемнадцать лет этого оболтуса семья воспитывала, общество, школа... черт бы их всех побрал! А тут два месяца отслужил – и уже в бега подался, как на дискотеку, трудно ему, видите ли. Он с оружием пост покинул, присягу нарушил, в военное время за это было одно наказание – расстрел. Пуля в лоб – и никаких! А сейчас я – адмирал флота российского должен прикрывать дезертира, отдуваться за этого сопляка. Куда мне его сейчас? В дисциплинарный батальон, в тюрьму? Жалко пацану жизнь портить, но еще больше его родителей жалко, в основном это простые трудяги, небогатые люди. Вадим Петрович, на твою лодку тоже молодежь пришла, что ты мне, адмиралу посоветуешь? Я имею в виду, не в масштабе всей базы, а в этом конкретном случае, что мне с этим салажонком делать? Прокурор грозит трибуналом.

– С моей лодки еще никто не убежал, – уклонился от прямого ответа капитан второго ранга. «Варшавянка» мысленно поддержала своего командира, не стоит младшему по званию, по должности учить старшего – как бы потом неприятность из этого не вышла. За долгие годы службы лодка видела разных адмиралов, попадались и злопамятные, и даже, прямо скажем-дураки. Так что, правильно командир ушел от прямого ответа.

– Юлишь, капитан второго ранга! – раскусил командира лодки адмирал и, нахмутив брови, приказал: – Я запрещаю вам делать это, отвечайте прямо, без выкрутасов!

– Слушаюсь! – так же официально, ответил командир лодки. – Товарищ контр-адмирал, я бы этого беглого матросика назад в свою часть не отправлял однозначно. Это только усугубит его незавидную участь, заключают его там как цыпленка-альбиноса, таких нигде не любят. Я

имею в виду, беглецов-дезертиров. Перевести в другую часть – тоже не выход, понятно, что он и там не уживется. Так что, остаются два варианта: первый – демобилизовать парня, что нереально, второй – перевести и оставить служить здесь, при штабе, под вашим чутким вниманием.

«Варшавянка», будь она человеком, наверное, прикусила бы язычок от невольно вырвавшегося высказывания: командир, кажется, так и нарываётся на неприятность.

– Шутишь, капитан второго ранга? Тебе не кажется, что ты в моем личном кабинете много шутишь? Молчишь? Вот и правильно, лучше помолчи... Ишь, умник нашелся... «оставить его служить здесь». Ты представляешь, что здесь будет через год? Этих беглецов наберется на целую штабную роту, если не на батальон. И будет у нас тут не штаб боевого соединения, а детский сад «Золотая рыбка» с адмиралом-заведующим, с офицерами-воспитателями, где я буду недисциплинированных матросиков из ложечки кормить, сопельки им подтирать, хороводы с ними водить вокруг елочки. Вот такая перспектива вырисовывается после твоих шуточек... Ладно, этот вопрос можно считать закрытым, возьму я этого маменькина сыночка под свою руку или, как ты там умно выразился, не обделю его своим чутким вниманием, пристрою в охрану штаба, чтобы на глазах был. Так тому и быть... пристрою.

Приняв решение, командующий базой еще раз прошелся по кабинету, затем зачем-то одернул китель и хорошо поставленным адмиральским голосом произнес:

– Итак, товарищ капитан второго ранга, прекращаем посторонние разговоры, слушайте приказ: сегодня в двадцать два ноль-ноль, лодка должна отойти от пирса!

«Как сегодня?! – мысленно вскинулась „Варшавянка“. – Но это же невозможно! Ну никак!»

– Товарищ контр-адмирал, вы что... – Казалось, от страха лодка захлопала рубочными иллюминаторами; сейчас командир, должно быть позабыв, где и перед кем он находится, выскажет что-то вроде: «вы что, совсем охренели» или «вы что, рехнулись».

– ...Вы что, пошутили? Это же нереально! Дайте мне два дня... ну, хотя бы один день на подготовку к походу... всего лишь один.

«Варшавянка» испуганно прижалась к пирсу: адмирал часто задышал, ну точь-в-точь как штормом выброшенная на берег рыба. Его, бронзовая от загара шея, так грозила вывалиться из стоячего воротника черного мундира с золотыми погонами. Затем, еще раз окинув подчиненного ледяным взглядом, он процедил:

– Ты что себе позволяешь, капитан второго ранга! Ты мне тут не зарывайся, не в Государственной Думе находишься! Здесь не место для дискуссий. И я никому не позволю у себя в штабе анархию разводить! Два дня ему, один день! Хочет он, не хочет! Ты российский офицер, командир боевой единицы, не базарная торговка! Или ты забыл, что такое приказ? Забыл?! – почти закричал командующий базой. Адмиральские погоны, будто в такт словам хозяина, возмущенно приподнялись. – Так я тебе живо напому!

– Никак нет, товарищ контр-адмирал, не забыл! – вскочил командир лодки и, не отводя взгляда от суровых адмиральских глаз, упрямо повторил: – Прошу хотя бы один день... ну, один.

«Варшавянке» показалось, что от возмущения адмирал схватит стул и швырнет его в окно, однако этого не произошло. Возможно, он хотел закричать, затопать ногами, замахать кулаками, однако, сдержавшись, произнес ничего хорошего не сулящим тоном, от которого у лодки местами отлетала ржавчина.

– Та-ак, что я вижу? А вижу, что вы меня так и не поняли, капитан второго ранга. Ну хорошо, я могу повторить приказ, только вы уж будьте добры выслушать его очень и очень внимательно, но учтите: в третий раз я его повторять не собираюсь... третьего раза не будет. Надеюсь, вы меня поняли? Итак, повторяю приказ... Приказываю: отойти от пирса в двадцать два ноль-ноль...

– Есть отойти от пирса в двадцать два ноль-ноль! – очень даже четко повторил приказ командир лодки.

«Варшавянка» видела, как напрягаясь каменеют скулы его бледного лица, она прекрасно понимала внутреннее состояние командира. За многие годы службы на флоте, лодка хорошо усвоила, что означает такое, вроде бы коротенькое, но на самом деле емкое слово: приказ. Она слышала бесчисленное количество самых разнообразных приказов: от деловито-кратких, строго служебных до, по-настоящему идиотских. И давно себе уяснила или, как говорят люди, зарубила на носу, что какой бы приказ не был, он подлежит обязательному исполнению. Какой бы не был: умри, но выполни. Лодка неоднократно видела, что умереть для русских моряков – раз плюнуть, однако лично она считает, что лучше умереть с пользой для дела, чем зазря, по дурусти какого-нибудь вышестоящего начальника. А еще лучше: и приказ выполнить, и целехоньким остаться. Приказ на флоте – это нечто вечное, так думает «Варшавянка». Все уходит в забвение, от кораблей, лодок до большезвездных адмиралов, а приказ остается, он непоколебим, как сама жизнь. Лодка видела, как уже не одно поколение, начиная от простого курсанта и до адмирала флота выросло на этих самых приказах. Есть приказ – сказал «есть», взял под козырек, выполняй, не рассуждая. И будет тебе честь и хвала и заслуженная награда!

Все это так, все это правильно, однако «Варшавянка» видела и другую сторону приказа, назовем ее так – нелицеприятную. Это когда из-за не до конца продуманных приказов в море выходили неподготовленные к походу корабли. Как и в сегодняшнем случае. Спрашивается, зачем было выходить? Показать героизм или достойно погибнуть? А что еще остается делать? Приказ есть приказ. А попробуй командир откажись – сразу же последует безжалостный, как пуля, приговор: «Трус! Под трибунал пойдешь!» И тут же, в высоком кабинете снимут с должности, и хорошо еще, если бывший командир пойдет помощником на старый тральщик, а ведь могут и пнуть коленом под зад: вон с флота! Вот и получается, что приказ – «он и в зоопарке приказ», так изрекает мудрейший старпом лодки Гена, с которым она, как бы запанибратски. «А интересно, – подумала „Варшавянка“, – если бы мой командир отказался идти в тот квадрат, что бы ему за это было? Чисто теоретически? Впрочем, лучше об этом не думать, были в моей жизни похожие прецеденты, и все как один с печальным концом. Так что, как говорят люди, не дай бог...»

В кабинете повисла напряженная тишина. Затем адмирал, отойдя к окну, спросил, не поворачивая головы:

– Ну что, капитан второго ранга, вы поняли суть приказа?

– Так точно, товарищ контр-адмирал, понял! —опять так же четко, доложил командир лодки.

– Ну вот, совсем другое дело. А то заладил: день ему дай, два... – заворчал адмирал, в голосе которого лодка ощутила смущение. – Ну что, обиделся? Знаю, обиделся, для вас – командиров лодок, это в порядке вещей, для вас это раз плюнуть, вы же у нас чуть ли не единственные оставшиеся защитники страны в настоящий момент, вам в первую очередь все лучшее подавай: и специалистов, и топливо, и продукты... винцо, икорку, балычок из семги, чуть про шоколад не забыл. Ты пойми, садовая твоя голова: этот приказ – не моя отсебятина, лично командующий флотом приказал сегодня же отправить лодку. Лично! Попробуй бы я отказаться или даже попросить пару суток... сутки даже! Недавно звонил, интересовался, какими темпами лодка к походу готовится. Если бы, что-то от меня зависело, разве бы я тебе отказал, я бы тебе неделю на подготовку дал, ей-богу бы дал! И хрен с ним, с квадратом этим – подождет. А так брат, извини... – развел руками командующий базой.

«Варшавянка» в очередной раз убедилась, что отказ командира лодки выполнить приказ означал бы для них обоих, печальный конец – на лодку прислали бы нового командира, а то и вовсе другую лодку в поход послали; с командира, понятное дело, погоны бы сняли, да и с ней,

с лодкой – не сюсюкались бы: на гвозди несговорчивую! В назидание другим, система шутить не любит!

– Товарищ контр-адмирал, я все прекрасно понимаю, – заверил адмирала командир лодки, будто желая поскорее закрыть вопрос о сроках выхода лодки.

– Ну вот и прекрасно! Вадим Петрович, давай забудем наши трения и разногласия, – повеселел адмирал, и тут же поинтересовался: – Ты молодежь получил? Ну и как она?

– Так точно, получил! – доложил командир. – Ребята после «учебки» слабо подготовленные, я бы даже сказал – сырые, дальше сетевых заграждений в море не выходили. Одно хорошо – все со средним образованием, некоторые с высшим. А это означает, что боевую специальность освоят быстро и без проблем. Правда, двое матросов с дефицитом веса.

– Ну, это не беда, откормишь. Правда, с продовольствием у нас пока туговато, в основном, картошка с капустой выручают, зато макарон предостаточно. Снабженцы ожидают пароход с овощами, губернатор обещал из своих запасов подбросить, так что, проживем. А насчет твоей сырой молодежи... Хитрец ты, Вадим Петрович, я слышал, у тебя молодежь после первого похода классными специалистами становится, а ты тут мне жалуешься: сырые, слабо обученные. Скромничаешь...

– Никак нет, говорю, как есть! Товарищ контр-адмирал, давайте будем откровенны, в настоящий момент лодка не готова к походу. И я вам объясню почему. – И командир, видя, как разом нахмурилось лицо адмирала, поспешил доложить: – Экипаж своими силами затеял небольшой ремонт. За одно это его надо похвалить. Кое-что успели сделать, однако покраску внутри не закончили, профилактику трубопровода пресной воды не закончили, ремонт трубопроводов забортной воды – тоже... на лодке отсутствует опытный штурман, мой Кириллов... капитан-лейтенант Кириллов в запас ушел, говорят, в коммерцию подался или в кооперацию – я не разбираюсь в этом... на время ремонта кое-какое наше имущество было перенесено с лодки на плавбазу. Я считаю своим долгом доложить вам, что хорошо бы лодку поставить в док... ну хотя бы после похода.

И опять, будь «Варшавянка» человеком, она бы двумя руками поддержала своего командира. Однако в настоящий момент, она ожидала услышать гнев адмирала, как ответ на беспринципное по своей наглости предложение о ремонте, о постановке в док. Но адмирал лишь, кисло улыбнувшись, сказал:

– Вадим Петрович, ну почему у тебя все в мрачных тонах? Вот уж не думал, что ты у нас скрытый пессимист. Пойми, сейчас всем трудно. Общую обстановку в стране знаешь? Везде бардак, регионы требуют независимость. Да что нам регионы – наш край туда же лезет, губернатор глотку дерет, желает создать республику от края до края, самолично мечтает деньгами распорядиться. А что на Кавказе творится! Да что мне тебя политграмоте учить, сам небось все понимаешь. Так что, кончай жалиться, плюнь на все, держи хвост пистолетом, сейчас главное для тебя – выполнить приказ. Ты бери пример с меня...

И лодка, и ее командир с удивлением уставились на адмирала, словно он пообещал им рассказать самый свежий угарный анекдот про старого генерала и его молодую любовницу.

– Что, Вадим Петрович, удивлен? Знаем мы вас! Ты, наверное, думаешь обо мне нелюбезно, мол адмирал на суше, лопухами оброс, давненько в море не выходил, сухарем очерствел, обюрократился в штабе. Ведь, думаешь? Молчишь? Думаешь, думаешь, знаю я вас, подводников, сам из этой бочки вылез... Я, между прочим, не сидел здесь сложа ручки, не валял Ваньку, как вы выражаетесь про своих отцов-командиров; я кое-чего для твоей лодки сделал, между прочим, за тебя исполнял не свойственные адмиралу обязанности командира лодки – твои прямые обязанности, пока ты в отпуске, возможно, жарил шашлычок на природе. Если хочешь знать, твой экипаж доведен до штатного расписания и уже переведен с плавказармы на лодку. Бункеровщик с топливом направлен, торпеды на подходе, продукты, должно быть, подвезли... – Лицо адмирала прямо-таки сияло хвастливым детским выражением в ожида-

нии похвалы. – Я тебе уже и штурмана подыскал, правда, после училища паренек, но, судя по диплому, малый толковый. Ничего, погоняешь его и в хвост, и в гриву – глядишь, настоящего подводника из него вырастишь, себе замену. Ну что, капитан второго ранга, займется о твоей лодке твой непосредственный начальник?

«Что и удивительно, – ехидненько подумала „Варшавянка“. Давненько я не помню к себе такого внимания. Впрочем, все это объяснимо: видно, командующий флотом, как люди выражаются, надрючил нашего адмирала по самые не могу, вот он и лезет из кожи, старается. А вообще-то, молодец он, не обманул: вон танкер-топливозаправщик шлангами размахался, из арсенала торпеды под брезентом по пирсу везут, фура с продуктами ко мне заворачивает»

– Нет, ты мне ответь, где это видано, где это слыхано, чтобы адмирал – за капитана второго ранга лодку к походу готовил? – Явно выпрашивал благодарность командир базы и даже фамильярно подмигивая подводнику. – Дураков нынче нет. Кроме меня, естественно. Так что, цени, товарищ капитан второго ранга. А если серьезно, Вадим Петрович, тебе ли жаловаться с твоим богатым опытом, с мастерством, твоими знаниями? Ты что, впервые на такое задание идешь?

«Варшавянка» заметила, как было дернулся командир, должно быть, желая ответить, что да, впервые он идет в поход на неподготовленной лодке, однако – сдержался, промолчал. Как в таких случаях говорит мичман Петька – урок пошел впрок. Правда, Петька явно говорил в другом смысле, наоборот, что «урок не пошел впрок». Эти люди такие заумные.

– Не скромничай, я знаю, что не впервые. Твоей старушке давно надо бы присвоить звание гвардейской, да вот все как-то руки не доходили, а сейчас уже и поздновато. Ну ничего, она у тебя не обидчивая, в отличие от своего командира, молодец одним словом, в каких только переделках ни побывала, думаю, и на сей раз она нас не подведет. Убежден, не подведет!

«Я и сама знаю, что я молодец! – не удержавшись, воскликнула „Варшавянка“. – А вот от звания гвардейской я бы не отказалась. Гвардейцев, говорят, и кормят получше, и зарплата у экипажа побольше, а главное – их наверняка в док ставят в первую очередь или даже вне очереди. О! Чуть было про ленточки на бескозырках не забыла – у гвардейцев они такие красивые».

– Так что, успокойся, Вадим Петрович, отбрось все лишнее, службе мешающее – и за дело! Пробежишься до квадрата, глянешь незаметно, чего там янки шебуршатся – и быстренько домой, отпуск догуливать. В драку не ввязывайся, прикройся туманом и спокойненько наблюдай. И ни в коем, я повторяю – ни в коем случае не дай себя обнаружить! Для нас с тобой это смерти подобно! Не хватало еще международного скандала. Это раньше мы могла о них копыя ломать, не особо-то на кого-то оглядываясь, сейчас этого делать категорически нельзя! Категорически! «Они», видите ли, нам друзья или почти друзья... медуза им в глотку! Знаю я, какие они друзья – до первого крутого поворота, скинут под колеса, и не чихнут. Короче, действуй строго по приказу, но! – думай своей головой, подключи нюх, интуицию... что еще? – осторожность, предусмотрительность. Все это вместе взятое даст результат, надеюсь, успешный. Думаю, все у нас будет хорошо, или как сейчас модно стало говорить: о-кей.

«Все будет хорошо. А что, кто-то еще в этом сомневается? Лично я – нет! Да и, с какого такого перепуга? Однако, как-то все уж очень легко у нашего адмирала получается, – приходя в раздражение, подумала «Варшавянка». – Пробежишься, будто молодые матросы на утреннюю зарядку. Делай раз! Делай два! Дышим глубже, всей грудью! Себя не обнаруживать – легко сказать, а как это сделать при современных гидроакустических средствах обнаружения? Да меня, если уж честно, старую дизелюху, по пятнам мазута на воде в два счета обнаружат так же легко, как меня утром вычислил рваный матросский ботинок... Обнаружат они меня – ага! – устанут обнаруживать, я им что, молодая неопытная лодка? Меня так просто не возьмешь, можно и шею себе свернуть. Так что, мы еще поглядим, кто кого первым обнаружит.

На месте командира я бы адмиралу в глаза высказала, что он действительно давно под воду не спускался. А не мешало бы!

– Ну все, Вадим Петрович, приказ получен, осталось только выполнить его, и ты это делаешь. Учти, я надеюсь на тебя. Да что там я – вся база, флот. Как говорится, землю носом рой, а выполни... Так, что еще? Ага! Зайди к начальнику штаба, он там последние новые карты района у гидрографов затребовал, кое-что для тебя подобрал, обсудишь с ним поподробнее все нюансы предстоящего похода... Да, к синоптикам не забудь заглянуть, получи последнюю метеосводку на предстоящую неделю. Боюсь, как бы погода не подгадила, что-то у меня косточки ломит, надо бы в баньку заглянуть, веничком помахать, кровь по жилам погонять. Ну давай, до встречи, надеюсь, с победой будем встречать тебя с жареным поросенком... – И адмирал, выйдя из-за стола, подал для прощания руку... рука повисла в воздухе.

– Товарищ контр-адмирал, напоследок вопрос, разрешите? – попросил разрешение командир лодки, явно намеренно не заметив протянутой руки командира базы. И тут же, словно заранее предчувствуя реакцию адмирала, поторопился задать вопрос: – Как насчет зарплаты экипажу? Все-таки, в океан идем, в неизвестность.

«Варшавянка» чутко услышала, как недовольно крикнул адмирал: «твою мать»! Ого! Видно, достал его денежный вопрос врасплох. «Варшавянке» показалось, что сейчас он хватит кулаком по столу и выставит командира «во-он», однако адмирал лишь угрюмо поморщился.

– Да, капитан второго ранга, не зря говорят, что у тебя трудный характер. Я, конечно, подозревал, но сейчас, и я в этом убедился. Нет чтобы промолчать... Ну, или как-нибудь поделкатней, подипломатичней что ли, так нет же, сходу прямо в лоб: бац! – зарплату давай! гони, адмирал, деньги! Вижу, с тобой не соскучишься, скорее – состаришься... – После этих слов он сунул руку во внутренний карман кителя. – Деньги, говоришь... Тебе сколько надо? Могу одолжить, – предложил командующий базой, не вынимая руку из кармана.

«Варшавянка» недоуменно уставилась на адмирала. Он что, в самом деле командиру деньги предлагает? Ну, адмирал! Такой непредсказуемый! Неужели командир возьмет? А как же экипаж? Да нет, мой командир не такой! Адмирал хорош, однако за кого он моего любимого командира принимает? За дешевку? Что он себе позволяет?! Чертова субординация! Чтоб ей пусто было! Послать бы этого старого краба куда подальше! Командир, ну не молчи же ты!

– Извините, товарищ контр-адмирал, вы, наверное, меня с кем-то перепутали, так сказать, ошиблись адресом. Напоминаю вам, что я – боевой офицер-подводник, а не проситель с протянутой рукой, – с нескрываемым вызовом ответил командир лодки. Должно быть, он прекрасно понимал, что разговаривает с адмиралом в недопустимом тоне, излишне грубовато, если не сказать – грубо, но, видно, поубавить тон или вовсе замолчать было выше его сил. – Я не о себе пекусь – об экипаже, о семейных подводниках. Им сейчас тяжелее всего, у них дети скоро в школу пойдут. Товарищ контр-адмирал, вы же сами бывший подводник, должны понимать, каково морякам нести службу под водой, зная, что их семьи без копейки сидят. А мне, их непосредственному командиру, каково людям в глаза глядеть, приказывать им, требовать? Требовать – и тупо повторять, мол, потерпите, братцы, вы же подводники, элита флота российского, мол, нам не впервой терпеть, давайте еще потерпим...

«Варшавянка» видела, как в ставших колючими глазах адмирала заплескалась не злость – бешенство.

– Все, высказался? А теперь позволь и мне слово сказать... Слышь, ты, капитан второго ранга, для начала я тебе скажу вот что: ты уж будь добр, не дави на меня своей луженой глоткой, не надо, я этого не люблю, – адмиральский голос был не громок, но полон скрытой угрозы. – Запомни – я тебе не министр обороны, не министр финансов и даже не командующий флотом – это, во-первых. А во-вторых, где я тебе деньги возьму, я не президент Ельцин, чтобы деньги по регионам мешками развозить и с трапа самолета пьяно орать: «Ур-ра! Я вам денежки

привез!» А может, ты мне прикажешь попросить их у премьер-министра, дескать, уважаемый господин Черномырдин, не завалились ли где у вас случайно пара-тройка миллионов, у меня тут один чрезвычайно настырный командир лодки в поход идет, ему позарез нужны деньги...

– Не для себя, – упрямо вставил капитан второго ранга. – Это не случайные деньги, их экипаж своим нелегким трудом заработал.

– Молча-ать... твою мать!! – психованно топнул ногой адмирал. – Деньги ему нужны! Твоя лодка что, одна на базе?! Одна, я тебя спрашиваю? Отвечай! Ты что, с Луны свалился, не знаешь, что тут и бригада подводных лодок, и надводные корабли, и береговые части флота! И всем, слышишь – всем деньги нужны, всем вынь да положь! И все они просят, требуют, угрожают! А где я их возьму?! Рожу? Напечатаю? Центральный банк ограблю? Я каждый день только и слышу: деньги! деньги! деньги!.. будь они неладны! Вместо того, чтобы заниматься своими непосредственными обязанностями, боевой подготовкой вверенной мне военно-морской базы, я должен искать, просить, добывать, а то и кланчить эти проклятые бумажки! Из-за них, смотрю, на базе дисциплина ни к черту! Вконец расшаталась... – Кажется, адмирал начал выдыхаться. Затем, помолчав с полминуты он, вроде бы успокоившись, продолжил: – Ты думаешь, я нагнетаю? Нет, к сожалению. Вчера случайно кое-что о себе нелицеприятное услышал, было, о чем подумать... Вечером супруга попросила собаку прогулять. Вообще-то, это ее прерогатива, я хотел сказать – обязанность, но я, дурень, согласился. Когда чуть стемнело, вывел собачонку. Гуляем, воздухом дышим. Песик потащил меня по своему важному делу, ножку поднял. Смотрю: круглосуточный пивной киоск, вокруг которого кучкуются офицеры, мичманы, старшины – контрактники, не хватало только матросов срочной службы. Все в форме! Один я в трико. Пьют – пиво с водкой, без стеснения, как какие-то подзаборные бичи или бомжи, хрен их по званиям разберешь. Смотрю, и думаю: дожил я! в какие времена такое происходило? Стою и слушаю, и такого наслушался – мама родная! И про президента, и про правительство, и про службу флотскую, ну и, конечно же, про себя, голубчика. Постоял, послушал и понял, что президент – пьяница, правительство – предатели, депутаты – бездельники, а все вместе они армию-флот разваливают, распродают, уничтожают. «Пускай этот старый козел, сам за бесплатно служит! – это уже про меня. – Не зарплаты – нет службы! Лично я на службу завтра не выхожу, пока зарплату не выдадут». Много их там стояло, и хоть бы кто неизвестному подстрекателю возразил, напомнил про присягу, про долг, про честь, набил бы наконец ему морду, заткнул болтуна; нет, таковых не нашлось, будто все языки в задницы засунули. И это офицеры: цвет нашего флота! Ох, какая злость во мне разыгралась, хотел патрули из комендатуры вызвать, всех задержать: и в камеры их, в камеры! Слава богу, передумал, что толку комендантских вызывать – такие же служаки, так же без денег сидят, приедут – никого не задержат, потому как сами завтра после дежурства к этому киоску придут. Так что, постоял я, послушал народную правду о себе, плюнул и, как последний воришка крадучись, домой собаку повел. А дома на супруге душу отвел, взгрел ей за то, что она меня послала с собакой гулять вне очереди. Вот такие наши дела, капитан второго ранга. Ну, что ты мне на это безобразии скажешь?

– А что тут говорить, лично для меня в этой ситуации все ясно и понятно. Выпили после службы мужики, слегка опьянели, вот их и прорвало, на критику потянуло, такое частенько бывает, – вроде как особо ни за кого не заступаясь, сдержанно ответил командир лодки. – Бывает, особенно в трудные минуты, я бы сказал, как сейчас, в минуты безденежья. Тут только алкоголь и помогает... ну, или работа. А вообще-то, такие вот пьяные разговоры у киосков – пустой треп, болтовня и ничего больше.

– Ничего? Ну, не скажи... Ишь, болтовня! Что у пьяного на уме... Надеюсь, ты помнишь эту народную поговорку? Ну ладно я, а вот представь себе, что было бы, если бы на моем месте оказался ретивый сотрудник особого отдела или карьерист из военной прокуратуры? Он бы не стал с ними чваниться, потихоньку переписал бы тех болтливых трепачей. А утречком –

на допрос. И навесил бы на них за пустой, как ты говоришь, треп – нехилую статью за оскорбление президента, за призыв отказа от службы, могли бы даже впаять за модный нынче, экстремизм. Что скривился, не веришь? Ну, это ты зря, в жизни бывает всякое случается... Ну да бог с ними, с этими болтунами, сейчас у нас с тобой о другом речь. Вадим Петрович, ты не находишь, что разговор между нами какой-то малоприятный для нас обоих? Будто, мы специально вываливаем друг на друга накопившееся раздражение...

«Варшавянка» смекнула, что адмирал, похоже, готов пойти на попятную. Хитрый мужик, далеко пойдет.

– Сие нехорошо, совсем нехорошо. Ведь тебе же в поход идти, а это означает, что ты должен быть полон оптимизма, бодрости, решительности. Так что, давай мириться. Заметь, это я – адмирал, первым примирение предложил. Цени! Короче, извини меня за мою несдержанность, но и ты свой язычок попридержи, больно остер он у тебя. А насчет денег... насчет денег что-нибудь придумаем, флотские финансисты обещали кое-что подбросить, если, конечно, деньги в пути где-нибудь не потеряются.

– А что, может и такое случиться?

– У нас сейчас все может произойти, а уж пропажа денег стала привычным делом. Но ты экипаж обнадежь, можешь от моего имени пообещать, что в случае успешного выполнения задания, твоя лодка первой на базе получит деньги. Первыми! Но учти: в случае успеха! Но если, не дай бог проколите, то извини – в порядке очереди, – улыбаясь, пошутил адмирал, затем добавил: – А если деньги вдруг не дойдут, опять же, извини – останутся почетные грамоты, благодарности, отпуска матросам и старшинам. Видишь, Вадим Петрович, я перед тобой откровенен. Ну как, согласен?

«Какой прок экипажу от этих бумажных грамот? – скривилась „Варшавянка“. – Красивые, нарядные – не спорю. Но только и всего. Говорят, у боцмана Петровича вся стена в квартире ими оклеена. Адмиралу надо было бы пообещать команде что-нибудь посущественнее, типа ордена или медали, люди любят яркие побрякушки». Кажется, в том же направлении думал и командир.

– Согласен... но не совсем. Я бы от ордена не отказался, пригодится.

– Ого! Однако, запросы у вас, товарищ капитан второго ранга. А знаете, как это называется – вымогательство.

«Варшавянка» не поняла: то ли адмирал сердится, то ли он шутит; спасибо еще, что не психанул – улыбнулся хитро, лишь уголком правой стороны рта.

– Ой, извините, товарищ контр-адмирал, не знал. – Похоже, подыграл адмиралу командир. Однако, дальше, кажется, он палку перегнул. – Я подумал, раз лодка идет на выполнение ответственного государственного задания, идет к черту на кулички с наполовину необученным экипажем, с незаконченным ремонтом – то это разве уже не есть подвиг?

– Опять ты за свое?! – переходя на «ты», болезненно поморщился командующий базой. – Ты мне это брось! Орден ему пригодится! Сейчас не война, чтобы за один поход орденами-медалями разбрасываться. Загнул тоже мне – подвиг! Жирно не будет? И где ты только такого нахватался?

– По телевизору видел, – простодушно ответил командир лодки и, с самым невинным лицом, показал рукой на висевший на стене огромный экран телевизора. – Частенько наблюдаю, как у нас награждают достойных людей. И что меня удивило – так это то, что сейчас вовсе не обязательно метко стрелять торпедой или спускаться на сверхбольшие глубины, не обязательно дышать отработанными газами или сломя голову удачно удирать от чужих фрегат-тов – я про подводный флот говорю. Для этого достаточно вовремя улыбнуться кому надо, к месту вставить нужное слово, удачно рассказать пошлый, скабресный анекдот, показать нужному человеку хитрый фокус, а то и просто песенку «зайка моя» спеть – и на тебе сразу орден на грудь: бац!

– Хватит! Вадим Петрович, будь другом, не дави на больную мозоль, без тебя тошно! – с нескрываемым раздражением проворчал адмирал. «Варшавянка» решила, что наградная тема для него очень болезненна.

– Ты не думай, что я слепой, сам вижу, что ордена раздают направо-налево, будто по графику, успевай только грудь подставлять. И никто из награждаемых, заметь – никто! от награды не отказывается, только еще громче хлопают. Я наблюдаю такую тенденцию: чем страна хуже живет, тем больше награжденных. И ладно если бы за действительные заслуги, а то ведь так, для численности, для своих амбиций... черт бы их побрал! – Ворчливый адмиральский голос заполнил весь кабинет, казалось, что его хозяин забыл и про предстоящий поход, и что перед ним находится его подчиненный, которому вовсе не обязательно знать, о чем думает и говорит адмирал флота российского.

– Иному сегодня орден на грудь, а завтра его в тюрьму поволокут. Подешевели нынче ордена, гроша ломаного не стоят. Возьми хотя бы нашего губернатора. Недавно ему президент орден на грудь повесил, «За заслуги». Шестой или пятый – не знаю. Спрашивается, за что, за какие такие заслуги? Из-за этого циркача, город зимой от морозов едва не околел, а ему орден! Якорь бы ему на грудь повесить, трехтонный! – И адмирал, заложив руки за спину, стремительно прошелся по кабинету.

«Варшавянка» обратила внимание на орденские планки, что теснились на крутой адмиральской груди. Не хило, адмирал наградами явно не был обделен. Лодка знала, что до назначения на нынешний высокий пост, он командовал и дизельной, и атомной лодками. Должно быть, всякого хлебнул мужик. Но, как давно это было.

– Нет, ты посмотри, что они с страной вытворяют! – Остановившись у окна, адмирал принялся обвинять руководство страны. – Приватизируют, грабят, делят, вывозят – что хотят, то и делают! А президент пьет, не просыхая. Это же ни в какие ворота не лезет! И за что стране такое наказание?! Ты посмотри, кто у него в советниках! Сплошь, агенты ЦРУ! По морде видно – вылитые акулы империализма! Я бы всю эту подковерную сволочь вместе с известной семейкой, посадил бы в списанную атомную лодку и в океан отправил без права возвращения... или бы утопил, не велика потеря для страны.

«Однако! Адмирал-то наш, оказывается, кровожаден, – решила „Варшавянка“, невольно пожившись. – Это надо же такое придумать – людей в списанную лодку, да еще и утопить. А люди-то какие – одно руководство! Интересно, а кто страной править будет? Где же тут логика? Ну, люди! Сначала сделают, потом думают, что же они сделали».

– Помнится, кто-то из первых космонавтов – не помню, точно кто – побывав на подводной лодке, спросил: «Знаете, кто ближе всех к космосу после нас, космонавтов?» И сам же ответил: «Подводники!» Молодец мужик, в точку мужик попал. Именно, подводники! Элита страны, ее щит и слава, и гордость! И вот теперь эта элита сидит без зарплаты, без снабжения, а скоро и вовсе без лодок останется. Столичная сволочь поставила флот в невесомо-экстремальное положение, проще говоря – раком нас поставили! Раком... Нет, не могу больше об этом... – Он вернулся к столу и, опершись обоими кулаками о столешницу, добавил упавшим голосом: – Да, разговорчик у нас с тобой получился непростой. Хотел на хорошей ноте закончить, не получилось, увы... Ладно, капитан второго ранга, возвратишься с удачей – и о хорошем поговорим. Согласен? Что молчишь? Или у тебя еще чего-нибудь не особо приятного для меня припасено? Давай, вали все в одну кучу, выкладывай, пока я добрый, разрешаю.

«Варшавянка» нутром чувствовала, догадывалась и, даже воочию видела, что ее командир с радостью покинул бы этот гулкий кабинет с нелюбезным, раздражительным хозяином, но, видно у него был в записке еще один щекотливый для адмирала вопрос. «С огнем играет командир», – с опаской подумала лодка. И не ошиблась.

– Так точно! – опять бросил руки по швам командир лодки. – Кое-что имеется... Я хотел попросить вас, помочь моему старшему помощнику...

«Варшавянка» тотчас заметила, как нервно дернулся адмирал, как царапнул он по командиру холодным взглядом, а на тонких губах появилась мрачная усмешка, мол, нашел время, о ком говорить; однако, он промолчал. Лодке захотелось закричать, предупредить командира: «Молчи! Остановись!»

– Я считаю, что что мой старпом засиделся на своей нынешней должности, перерос ее. Товарищ контр-адмирал, он – готовый командир лодки, и поэтому прошу направить его на курсы командиров субмарин. Если хотите, могу за него поручиться. Я уже на флоте достаточно послужил и вижу, что есть у нас – чего тут скрывать – и слабые офицеры, и даже бездарности, занимающие чужие должности. Да они, старпому в подметки не годятся! – Командир с вызовом, безбоязненно смотрел в глаза командующему базой. – Что он такого страшного сделал, почему его с дерьмом смешали?! Всего лишь правду написал, пусть и горькую, но правду! Чистую правду... В конце концов, человек не для себя лично старался – для всего флота. Хотел ему помочь, а что заслужил? – Командир лодки замолчал, вопросительно глядя на адмирала; скорее, даже задиристо-вопросительно, мол, ну чего же вы молчите, товарищ контр-адмирал?

– Ну что, все высказал, заступничек? – процедил сквозь зубы командующий базой. – Я смотрю, тебе все можно за моей широкой спиной.

– Я не побоюсь на любом уровне правду в глаза сказать! – с вызовом, словно отрубил, сказал капитан второго ранга.

– Да верю я, верю, – криво усмехнулся адмирал. – Дурное дело, как известно, не хитрое, да и большого ума здесь не надо, немного нахальства, чуть побольше наглости – и шашки вон! Айда рубить правду-матку! Вам сейчас это свойственно – молодым, нахлебавшимся либеральных свобод. Только при этом не мешало бы еще и головой думать, а не задним местом, как твой старпом. Что он у тебя, дельный специалист – я не сомневаюсь, но кто его уполномочил через мою голову, через голову командующего флотом и, даже через голову главкома военно-морского флота, напрямую обратиться к министру обороны, кто?! Это надо же до такого додуматься! На стену прыгнул... правдолюбец, твою мать!

Крепко выматерившись, он стал похож на баклана, упустившего рыбку.

– Из-за его дурацкого письма, всем на орехи досталось: и командующему флотом, и мне, и начальнику штаба, и командиру твой бригады, и тебе, между прочим. Ты что думаешь, я тебя за твои красивые глазки в отпуск спровадил? Я твои нервы сберег, а что в благодарность получил? Ч Мину под свой зад, вот что! Дурак твой старпом, и никто больше. Эка важность – глупое, необдуманное письмо отправил. Оно же по нему, в первую очередь и ударило, чтобы знал свое место, не зарывался, мозгами шевелил в нужную сторону, а не лез напролом куда не следует. Наверняка знаешь, что у австралийских аборигенов оружие имеется, бумерангом называется. Кинешь его – оно дело сделает и обратно возвращается, и уже тебя по башке бьет.

– Бумеранг бросают не ради забавы, а во время охоты, для пользы дела, – напомнил командир лодки.

– Не умничай тут... для пользы дела! Больно вы – молодые, прыткими стали, дальше аж некуда. Этакие, первооткрыватели Америки! Были бы умными, у вас матросы – первогодки с кораблей бы не убежали... – Вполголоса буркнул адмирал.

– А я все равно не согласен с его наказанием! – Командир лодки упрямо проигнорировал брюзжание адмирала.

– А с чего ты взял, что его наказали? – неожиданно спросил командующий с легкой иронией в голосе. Может, от бабушек на лавочке, что услышал? Или приказ о его наказании читал? Тогда будь добр, напомни мне номер приказа, дату, кто подписал. Лично я ничего похожего не видел... Ну, чего молчишь? Хотя нет, лучше молчи и запоминай: никто твоего старшего помощника не наказывал. Еще раз запомни: ни-кто! – Повторил он, с видимым удовольствием наблюдая каким растерянным становится лицо командира лодки. – Наказали всех, от командующего флотом до меня грешного, а вот твоего сумасброда, сочинившего эту

свою филькину грамоту, никто и пальцем не тронул, не те брат, времена. А жаль... Вадим Петрович, ты как будто специально провоцируешь меня на откровенность. Я тебе, конечно, верю, но будет лучше, если все сказанное здесь останется между нами. Сам знаешь, мало ли что... Ты, наверное, думаешь, что командование флотом не видит творимых безобразий? Одни вы, офицеры-мичманы, толкущиеся вокруг пивных ларьков все знаете, все видите, все разом можете решить. Ошибаешься, командование слава богу не слепое, все оно видит, да что толку – ничего сделать не может, как говорится, руки короткие. Да что там флотское командование – в настоящее время министерство обороны вряд ли что путного для армии сделает, повязано оно по рукам и ногам. Сейчас все решает, даже не сам пьющий президент – «семья» решает, друзья-советники из-за «бугра», черт бы их всех забрал в преисподнюю! Ты посмотри, что делается, страна на глазах слабеет, а с ней и армия, и флот наш. Упустили мы стратегическую инициативу, в результате чего можем остаться вообще без флота...

– Неужели все так плохо? – В голосе командира, «Варшавянка» уловила и растерянность, и тревогу.

– Да уж, хуже не было, разве что в Гражданскую войну, – кивнул головой адмирал.

«Варшавянка» ощутила легкий толчок в левый бок. Ого! Кто это такой смелый? Оставив командира в адмиральском кабинете, она огляделась в поисках недотепы, посмеявшегося толкнуть ее... Ага, а вот и он! К ее покато-упругому борту, стыдливо прижался замученный грязнуля бункеровщик. Впрочем, ему простительно: кормилец! И уже вскоре по, разом натянувшимся шлангам, в топливные танки лодки хлынул живительный мазут, что означало одно: «Я выхожу в море! Ур-ра!» И «Варшавянка» принялась бурно радоваться, забыв и про командира, и про адмирала.

Как позднее оказалось, зря забыла. В это самое время в адмиральском кабинете обсуждалась ее дальнейшая судьба и, узнав лодка конечный результат обсуждения, она наверняка поумерила бы свою бурную радость от выхода в море.

– ... Ладно, Вадим Петрович, – успокаивающе махнул рукой адмирал, – Скажи своему «писателю» или, скорее – возмутителю спокойствия, чтобы не дергался, поприжал задницу, а после похода, надеюсь – успешного, я что-нибудь для него придумаю...

– Спасибо вам, товарищ контр-адмирал! – Искренне поблагодарил командир лодки.

– Да чего уж там... – адмирал втиснулся в кресло. – И вот еще что... не хотел говорить, тянул до последнего, думал, после похода... Короче, в штабе готовят документацию на списание твоей лодки из состава флота. Что вздрогнул? Жалко, или не рад?

– Рад, конечно... и жалко, – выдохнул капитан второго ранга. Не надо себе лукавить, он давно ожидал услышать нечто подобное, но сейчас эта новость стала неожиданной и, чего греха таить, приятной.

– ... Понимаю. Все мы, к сожалению, стареем, и люди, и лодки. Еще раз повторюсь: не хотел тебе об этом говорить, но решил сейчас порадовать, не все же о плохом говорить, надо бы и о хорошем. Думаю, моя новость тебя порадовала. Но это еще не все, главный сюрприз я припас напоследок. Товарищ капитан второго ранга, тебя ожидает новая современная лодка.

Вот это, действительно, сюрприз! Кто сейчас откажется от новой современной лодки? Никто! Командир «Варшавянки» был обрадован предстоящей перспективой: подумать только! новая лодка! И в то же время, старушку «Варшавянку» жалко. Она о доке мечтает, о новых сальниках-прокладках, а ее списывают вчистую. Хорошо, что лодка не слышала вынесенного ей адмиралом приговора. Приговор – и это уже понятно – окончательный и обжалованию не подлежит; в настоящее время и более молодые лодки под нож идут. Что будет с «Варшавянкой», когда она услышит его? Она ведь такая по-детски наивная, считает себя не старой, думает если поставить ее в док, произвести ремонт, зачистку-покраску, то ей любой океан по плечу, и сам Нептун не страшен. Впрочем, что в конце концов должно было произойти, то и произошло – списывают ее без жалости, без сожаления, одним росчерком пера списывают. По правде

сказать, подобное может произойти с любым человеком. Это то же самое, если бы меня – человека, полного сил, жизненной энергии, амбициозных планов, однако где-то по неосторожности подцепившего какую-то заразу типа гриппа или африканской чумы: тьфу-тьфу! не дай бог! – не попытавшись вылечить, вышвырнули бы с флота на преждевременную пенсию... Или, что вероятнее, по чьему-то злостному доносу разжаловав, пнули с «подплава» в стройбат, не разбираясь. Ну и каково было бы мне? Горько, обидно? Да уж...

– Вадим Петрович, очнись! Что, от радости в зубу свело, не отойдешь никак, да? Понимаю... Помню, после дизельной – атомную принимал: и жутко интересно, и страшно жутко. Какая мощь, скорость, погружение, вооружение! Так что, командовать тебе новейшей современной лодкой, напичканной ракетами, как пачка – сигаретами. Как тебе мое сравнение? Учти, сам придумал... Лодка, конечно, новая, однако честно тебе признаюсь, строится уже двадцать лет, так что, почти и не новая, кораблестроители подводят: то денег у них нет, то кадров не хватает, то да се... леший их задери! Сейчас они клятвенно заверяют, что к концу этого года лодку, кровь из носа, сдадут. Хорошо бы. Нам никак нельзя без мощного подводного флота! Нас без него, наши новые «друзья» моментально загрызут и проглотят, не пережевывая. Так что, давай, подводник, ныряй в океан, действуй успешно, по-нашенски и возвращайся с победой домой! А когда вернешься, надеюсь, будет тебе и зарплата, и ордена-медали, все будет.

– Разрешите идти, товарищ контр-адмирал?

– Разрешаю, – привычно бросил адмирал, то тут же, спохватившись, попридержал подчиненного. – Вадим Петрович, погоди. Совсем забыл спросить: что у тебя там с семьей? Серьезно?

– Все нормально! Разберусь. Разрешите идти?

– Иди командир, и попутного тебе ветра...

7

А в это самое время, «Варшавянка» по-настоящему чувствовала себя счастливой. А почему бы и нет? Наконец-то она идет в океан! Радости-то сколько! Сейчас уже матросские ботинки, столь легкомысленно шаркающие по ее покато́й палубе, не вызывали былого недовольства, а звучали сплошной сладкоголосой музыкой. Кажется, сегодня все веселило лодку. Вон мичман нечаянно уронил в воду нераспечатанную пачку сигарет, и теперь смешно раскочерившись животом о пирс, пытается выудить ее из воды; а вот молоденький матросик, споткнувшись о балясину трапа, едва не кувыркнулся между пирсом и лодкой, вызвав взрыв беззлобного смеха, шуток, подначек: «Эй, салажонок, держись за воздух!», «Юрка, смотри, здесь тебе не Сочи, вода холодная!», «Что, сынок, к маме удрать захотел?» А сам «сынок», стеснительно улыбаясь, поднял упавшую пилотку подводника и принялся стучать ею о колено, будто выбивая из нее дорожную пыль.

Смеялись все, и лодка наравне со всеми. Ей нравились эти молодые парни, призванные служить на флот с невесть каких краев; нравились их веселые, иногда глупые, а то и опасные шутики; нравилось ребячество, показное хвастовство, их громкий заразительный, а главное – искренний смех.

Подошла крытая фура с продуктами. Оживились, весело загалдели, разгружать продукты – не тяжелые мины. По команде старпома, быстро организовав живую цепочку, подводники принялись переправлять на лодку запаянные банки, ящики, сетки с картофелем, с морковью, свеклой, перебрасываться кочанами капусты. А вот несколько ящичков с красной икрой! Ого! И даже лимоны из Марокко! Вино Молдавское! Живем, братцы, цинга нам не грозит!

Под усиленной охраной, с арсенала подвезли закрытые брезентом торпеды. Восьми-метровая штукенция! Сама лодка их побаивается – капризны, непредсказуемы. Да и как их не побаиваться – за две тонны весом, скорость до сорока пяти узлов – не удерешь! Акустическая система наведения – не шутка.

Медленно подошел плавучий кран. Началась погрузка торпед. «Варшавянка» с интересом разглядывала мускулистые тела торпед, начиненных такой смертельной силой, от которой большинство людей просто цепенело в нескрываемом ужасе, даже разглядывая их издалека.

От нечего делать лодка прислушалась к легкой перебранке крановщика с мичманом, стоящим на «вира-майне».

– ... Майна, майна... стоп! Чуть-чуть подвирай... молоток! А теперь, слегка подмайнай! Слегка, говорю! Да майна же! Эй, на кране, ты что там, дрыхнешь?! Или с похмелья, вместо пяти пальцев один зришь?

– А ты наливал? Налей сперва, опосля крякай. Баклан! Команды научись подавать. Спишь на ходу, будто с утра не ел...

– Я-то поел, а вот ты, кажись, три дня не умывался, оттого у тебя и ушки заложило, глухарь сухопутный! Давай майнай, да поосторожней, торпеда – не бревно, она ласку любит.

– Учи ученого... умник! Без тебя знаю. Твоя торпеда на мою жену похожа, если с утра рванет – весь день звон в ушах.

– Сравнил! Если эта дура рванет, от нас с тобой одна пыльца останется. Так что, хорош зубоскалить, весь внимание! Майна помалу... еще чуток... стоп!

«Интересно все-таки люди устроены, – подумала лодка. – ну ничего не могут молча сделать, все словесно, с матерком. Вон у них и рот для этого приспособлен. Да и вообще, нет у него ничего лишнего, одним словом, человек-само совершенство».

Желтое солнце ласкало лодку теплыми лучами, легкий ветерок нагонял скупую прохладную волну. Жизнь была хороша!

Неожиданно где-то за забором в голубое небо поползли клубы черного кучерявого дыма. Должно быть, люди опять что-то подожгли. «Варшавянка» непроизвольно поежилась – она на дух не переносила дым, особенно не любила огонь, этого ненасытного красного зверька. Дважды на ней самой случался пожар, пусть и небольшой, вовремя потушенный, однако причинивший ей немалую боль. А однажды в океане на ее глазах горел огромный танкер. Пожар произошел у чужих, недружелюбных берегов, поэтому всплывать было нельзя, лодка шла на перископной глубине, поминутно оглядывая водную поверхность. Клубы густого жирного дыма она увидела издалека. Подошли поближе... Панамец... порт приписки «Панама». Яркого багровый огонь с ликующим треском пожирал змеиное туловище танкера: он гудел, выл, хохотал, высоко поднимая вверх красные, всепожирющие руки. В перископ лодка видела, как люди на переполненной спасательной шлюпке отчаянно налегали дугой выгибающиеся весла, пытаясь удрать от вырвавшегося из танков огня, быстро расползавшегося по мертвой поверхности моря и грозящего заживо проглотить беглецов. «У-у-у!» – Казалось, даже под водой «Варшавянка» слышала протяжный вой торжествующего огня, а может, это выли в предсмертном ужасе люди. В перископ были хорошо видны их лица с безумно выпученными от страха глазами, дырки открытых в крике ртов, должно быть, молящих о помощи. Еще лодка видела, как ее командир, до крови кусая губы, стуча кулаком по перископу, метался между приказом и человеческим долгом, не зная, что выбрать: то ли продолжить скрытно выполнять важное государственное задание и, опустив перископ, безмолвно раствориться в морских глубинах в поисках куда-то исчезнувшей чужой эскадры во главе с атомным ударным авианосцем «Карл Винсон», то ли, нарушив приказ о скрытности, проявив милосердие, всплыть и спасти обреченных моряков. Непростое для любого капитана решение. Тогда они всплыли, успели в последний момент снять людей с уже вспыхнувшей спасательной шлюпки. Людей, лопотавших на незнакомых языках. Почти всех спасли, за исключением двоих, оставшихся в машинном отделении танкера. Спасли и тотчас ушли под воду. Ночью всплыли, вызвали ближайшее российское судно – им оказался траулер «Озерное» – и, передав ему спасенных, опять нырнули выполнять задание. Тогда, все вроде бы тихо обошлось – спасенным иностранным морякам похоже внушили, что не было никакой подводной лодки, что вам показалось ребятки, мол у страха глаза велики. А наши рыбачки умеют держать язык за зубами, тем более что славили тот самый траулер «Озерное», дескать, это он герой – спас девятнадцать панамских моряков! Он! Честь ему и хвала! Командира лодки за нарушение режима скрытности, за отклонение от маршрута следования тогда не наказали... или наказали? А где же тогда, он пропал целых десять суток?

Мимо было пропыхтел, но тут же застопорив ход, остановился закопченный буксир. Старый знакомый! Ишь, какой любопытный! Притормозил и принялся с нескрываемым удивлением рассматривать и лодку, и работающий кран, и спящих туда-сюда матросов, словно все это он видел впервые. «Рот закрой – муха залетит, – насмешливо приветствовала „закопченного“, лодка. Чего надобно, хрен старый?» Буксир на явную грубость не ответил грубостью, а широко улыбнувшись, по-простецки спросил: «Лодка, да ты никак в море идешь?» – «С каких это пор ты таким вежливым стал? – осведомилась лодка, все так же грубовато. – Ну, иду, а тебе до этого какое дело?» – «Да никакого, ты права. Просто я рад за тебя, поверь мне. Правда, я на тебе уже крест поставил, думал, не сегодня-завтра на корабельное кладбище поташу». – «Думал петух, да в суп попал», – чисто по-людски отрезала лодка. Былой панический страх перед этим ржавым замухрышкой напрочь пропал, исчез, испарился, как вчерашний утренний туман. Судьба, как известно, штука капризная, переменчивая, не знаешь, каким она боком к тебе сегодня повернется, каким – завтра. Кто знает: вернется лодка с похода, а этого горластого старикашки тью-тью! нигде нет – подчистую списали, а его самого – молодой, амбициозный, еще заводской краской пахнущий буксир, на корабельное кладбище уволок. И останется лодке только радоваться, что не ее уволокли.

Подколоть бы сейчас ехидненько этого старикашку, как он ее постоянно подкалывал – однако, думается не стоит его обижать, вон он с каким уважением смотрит на лодку и даже скрипит доброжелательно: «Нет, правда, лодка, рад я за тебя». – «Спасибо», – скромно ответила субмарина, косясь на старика: искренен он или притворяется. «Я вот что хотел спросить, – опять запыхтел буксир. – Чего это такая спешка? Никак, поход важный, ответственный?» – «Мне не впервой, привыкла», – заскромничала лодка. «Понятненько! Ну, счастливого тебе плавания!» – напоследок хрипло прогудев, буксир заторопился по своим мелко-каботажным делам.

Проводив его взглядом, «Варшавянка» оглянулась и увидела вдалеке маленькую фигурку человека, спускающегося по деревянным ступенькам по направлению к пирсу. Кто это там? Больно уж знакомая походка... Боже, да это же командир! Он! С кипой карт под мышкой. Молодец, должно быть, вырвался из цепких рук адмирала. На лодку возвращается, куда же еще? Вот он приостановился, смотрит сверху вниз. Понятно, для чего – свою лодку ищет. Нашел, нашел! И даже рукой махнул, дескать, здравствуй, радость моя любимая. И «Варшавянка», такая неказистая на фоне лобастых, пышнотелых атомных подруг, радостно заморгала рубочными иллюминаторами, приветствуя своего командира. И пусть ее борта порыжели от ржавчины, а кое-где в легком корпусе видны солидные вмятины – она по-прежнему была хороша собой, если так можно выразиться о боевой лодке, за которой в свое время безуспешно гонялись армады противолодочных кораблей, и одно появление которой у чужих берегов вызывало головную боль в штабах флотов известных государств.

Да и как командиру было не узнать свою лодку, свою «Варшавянку», ведь он прошел на ней сначала штурманом, затем и командиром тысячи морских миль, и каких миль! Полных свирепыми штормами, непроходимыми льдами, яростными атаками, сумасшедшими погонями – и никогда, слышите – никогда лодка не подводила своего командира! Она была его счастливым талисманом, который нельзя было носить на шее или на руке, но который всегда был с ним, где бы он ни был: дома, в отпуске, в командировке. Везде! Он любил лодку, тосковал по ней, ревновал к другим лодкам, частенько ругался с ней, и даже дважды дрался из-за нее, слыша нелестные отзывы о верной боевой подруге.

И вот сейчас «Варшавянка», задрав в голубое небо выпуклый нос для приемки боевых торпед, смотрит влюбленными глазами на приближающегося командира, словно спрашивая его: «Командир, когда же закончится эта земная свистопляска, и я, наконец окунусь в чистую, прохладную толщу океана?»

Однако командир почему-то молчит. Почему? И отчего у него такой виноватый взгляд? В этом взгляде кроме любви и нежности... еще и жалость появилась. К кому? Ясное дело – ко мне. Может, он что-то узнал о моей дальнейшей судьбе? Судьбе, которой не позавидуешь, которую боится не только лодка, но и люди, достигшие определенных лет, проще говоря – старости, о которой они со страхом говорят, что старость – не радость. Да уж... Если командир узнал, что лодка обречена на слом, на забвение, пусть скажет прямо, глаза в глаза. Хотя, нет, не сейчас, позже, после похода...

Да ничего командир не знает! Адмирал ничего такого для меня страшного не говорил... не помню такого! Ведь не говорил же, нет! Конечно, нет! Нет-нет!..

А командир все ближе и ближе. И вот уже между ними происходит коротенький диалог, понятный только им двоим.

– Ну, здравствуй, моя красавица!

– Здравствуй, командир. Почему тебя так долго не было? Я соскучилась.

– Прости... и я по тебе соскучился. Ну ничего, теперь мы опять вместе.

– Я так ждала тебя. Наверное, я выгляжу старухой?

– Нет, нет! Ты прекрасно выглядишь. Немножко обросла ракушкой, да кое-где ржавчина проступила местами. Больно?

– Не очень. Ты же знаешь, я терпеливая. В док бы меня.

– Я бы с радостью, но пока не получается. Прости...

– Да чего уж там, я все понимаю. Потерплю.

– Зато завтра я тебе обещаю океан, прохладу глубин, соленые брызги волн, крепкий порыв ветра.

– Спасибо. Я долго этого ждала. Когда отходим?

– Скоро... Вон уже бункеровщик отшвартовался. Чадит керосинщик, как заядлый курильщик.

– Да, смешной чудак...

«Варшавянка» видит в глазах командира что-то для нее непонятное, отрешенно-тоскливое, и, хотя это непонятное спрятано глубоко внутри, лодку не проведешь, она хорошо знает своего командира и понимает, что его что-то, что-то гложет, он будто сам не свой, какой-то вроде как потерянный или что-то потерявший. Но что? Предстоящий поход? Однозначно – нет, нет и нет! – командир из тех, кого хлебом не корми, а дай выйти в море. Может, с адмиралом вдрызг разругался, у него это хорошо получается. Что и говорить, адмирал – не подарок, любого может по стойке «смирно» поставить, и ну с него ржавчину снимать, да все с наждачкой, с наждачкой норовит – побольнее. Тот еще кашалот! Впрочем, не зря ли она наговаривает на адмирала – разговор между ним и командиром происходил на повышенных тонах, однако был вполне доброжелательным, корректным. На этот раз командующий базой был удивительно терпелив с командиром, что объяснимо – посылает его на чрезвычайно трудное задание, похожее на человеческую сказку: пойди, черт знает куда, принеси – черт знает что. Любят люди себе головоломки составлять. Так что нет – причина угрюмости командира, не адмирал. Остается одно: семья! Это его единственное слабое место, люди еще называют это место – ахиллесовой пятой.

Да, именно семья! «Варшавянка» знает, что у командира есть жена с дочкой. Или как еще люди говорят – супруга... благоверная... сожительница... телка... Нет, телка, вроде, из другой песни. Лодка видела их здесь, на пирсе, сразу после возвращения из «автономки». Увидела, так прямо и ахнула: «Ах, как они похожи на тропических, изумительной красоты бабочек, что иногда садятся на палубу в теплых южных морях!» Дочка – такая прелестная, такая забавная, такая хрупкая, невесомая! Подбежала к командиру и, порывисто обхватив того за шею, все приговаривала и приговаривала своим звонким детским голоском: «Папуля мой, папулечка!» А командир – этот заросший щетиной морской волк – с невидимыми слезами на глазах, все целовал и целовал кукольное личико дочурки. Затем, он осторожненько опустил свое волшебное воздание на бетон пирса, и крохотная яркая бабочка с чисто детской радостью запорхала вокруг стоящих в строю подводников. И они – рыцари подводных глубин – такие грубые в повседневной жизни, тотчас светлели лицами и умиленно, если не сказать – глупо улыбаясь, подбрасывали похожую на куклу девочку вверх, и на мгновение над серо-мрачным пирсом зависало маленькое разноцветное облачко, полное детского счастливого смеха.

А командир уже протягивал руки к большой бабочке – к женщине, жене, супруге, благоверной... черт бы их всех побрал! Он крепко обнимал ее, жарко целовал, а она, такая ослепительно красивая! – опустив руки, молчала, лишь разок чмокнув, или даже скорее – уткнулась в его колючую щеку. О! И тогда болезненная ревность пронзала «Варшавянку» от носа до кормы. Она всем своим умным нутром чувствовала, что эта холеная красивая женщина-бабочка, от встречи к встрече все больше и больше охладевает к командиру. Да и как лодке было не чувствовать, ведь и она сама, вроде как женского рода.

Эта вероломная бабочка-красавица, иногда надолго похищала командира, хотя еще неизвестно, у кого из них двоих на него было больше прав. Вот именно, неизвестно! Ночью, глядя на веселые огоньки военного городка, «Варшавянка» мучительно ревновала, переживала, иногда даже плакала, отчего вода вокруг нее становилась еще более соленой. Она безумно ревновала.

вала, а вокруг плескалось стылое равнодушное море. И тогда лодка – той женщине – разлучнице диагноз поставила: холодная, как арктический лед! А еще лучше: не рыба и не ракушка – медуза!

– Сми-рно! – заметив приближающегося командира, старший помощник быстро сбежал по трапу и, старательно печатая шаг, пошел к нему навстречу, затем остановившись в двух шагах от командира, бросил руку к пилотке и принялся докладывать: – Товарищ капитан второго ранга, личный состав лодки готовится к выходу в море! Весь экипаж на борту! Больных и отсутствующих без уважительной причины нет! Закончили приемку топлива, заканчиваем погрузку торпед, разгружаем продукты...

– Вольно! – скомандовал командир, пожимая руку старшему помощнику. Затем они медленно пошли по пирсу, в направлении носа лодки. «Варшавянка» знала, что ее командиры – одноклассники, что закончили одно и то же училище и, поэтому оставшись наедине, отбросили служебную официальность.

– Ну, что у нас с ремонтом? – поинтересовался командир, внимательно оглядывая корпус лодки.

– Не докрашены торпедные стеллажи, в пятом отсеке электромех кое-что разобрал из своего хозяйства, обещал сегодня же собрать, на запасном командном пункте немного недоделали, в основном по мелочам, так, несущественно. Не успели... Я приказал с берега шланги перебросить, свою вентиляцию на полную мощь врубили, думаю, запах краски уже почти исчез. Если бы не сегодняшняя авральная спешка, за пару недель с ремонтом спокойно бы управились. Но и так экипаж ударно потрудились, думаю, не мешало бы поощрить...

У «Варшавянки», прямо-таки корма в зуде зачесалась указать отцам-командирам на многочисленные, по ее мнению, недоделки и прочие недостатки в виде прохудившихся сальников-прокладок, однако она нашла в себе силы смолчать: она – не ябеда, да и надобно соблюдать субординацию... черт бы ее побрал!

– Как настроение у людей? – Остановившись, командир посмотрел в сторону матросов, хулиганисто перебрасывающих друг дружке крупноголовые кочаны капусты.

– Да как сказать... Настроение, образно выражаясь, как в толще океанской воды: наверху тепло, внизу – холодно. Этим я желаю донести до командира, что экипаж и в море рвется, и в то же время... Зарплату бы, домой без денег не хочется возвращаться. Командир, ты понимаешь, о чем я... А действительно, что там наверху насчет зарплаты?

– Одни обещания. Извини...

– Ч-черт бы их всех там побрал! Как все это уже надоело! Только и слышно, как по телевизору талдычат: «подводный флот – надежный щит страны, гарант безопасности!» А у этого «гаранта» ветер в карманах гуляет, пусто – хоть шаром покати! Верить, мне самому домой не хочется возвращаться, придешь – так и кажется, что вся семья с укором на тебя смотрит. Иногда, младшенький прямо в лоб спрашивает: «Папа, когда ты денежку принесешь, мне форму надо купить. Ты что, забыл, я же в этом году в школу пойду?» И-их! Как это унижительно – свои, кровно заработанные просить!

– Да понимаю я, Гена... – Командир смотрит себе под ноги.

И «Варшавянка» понимает, что в настоящий момент заботит друзей. Деньги! Что это такое, она знает, неоднократно видела в руках у людей эти разноцветные бумажки, которые они иногда почему-то называют презрительным металлом... или презренным? Лодка видела, как они радуются, пересчитывая деньги, и огорчаются при отсутствии последних. Она также уяснила, что деньги касаются и ее лично, потому как при их полном отсутствии тебя не поставят в док, не купят запчасти, топливо; при этом начальство отговаривается непонятным словом – недофинансирование. Пока выговоришь, язык сломаешь – как метко замечают люди. И «Варшавянка» для себя решает: если вдруг у нее когда-нибудь появится много-много денег –

например, она выловит в океане сейф с деньгами, – она непременно отдаст их экипажу, все, до последней копейки. Для нее людская боль – как своя.

– А что адмирал? Наверное, как всегда, обещает? – Начинает заводиться старпом.

– Успокойся, – морщится командир. – Адмирал делает все, что в его силах и возможностях. Обещал нам в первую очередь зарплату, правда, в случае успешного выполнения задания. Так и обнадежил: первыми получите. Тебе что, этого мало? Объяви людям... Кроме того, отпуска обещал, грамоты.

– Да пошел он со своими грамотами! – Психованно дернулся старпом, видно, не в силах успокоиться.

– Не кричи... – взял его за локоть командир. – Твои эмоции, денег нам не принесут. Вернемся с победой – надеюсь, за три месяца получишь, оптом. Так что, успокойся, на тебя экипаж смотрит. Да и вообще, Гена, что-то я тебя не узнаю. Помнится, ты меня всегда в первую очередь спрашивал после моего возвращения из штаба: «Куда идем, командир?» А сейчас тебя больше волнует другой вопрос: «Командир, когда будут деньги?» Куда это твой патриотизм подевался, а, Гена? Или ты переродился в мелкобуржуазного мещанина?

– Ну знаешь ли... – Старпом от возмущения пунцово покраснел. – Ну ты даешь! Тоже мне, сравнил! Раньше мне не приходилось Христа ради умолять, зарплату выпрашивать на лекарство заболевшего сынишки...

– Ну извини, извини, тут ты прав, неудачное сравнение! – Поспешил взять свои слова обратно командир, на что старший помощник примиряющее махнул рукой, мол, да ладно, забыли.

– Командир, а вот теперь я хочу спросить тебя насчет выхода в море. – Старший помощник огляделся по сторонам. – Что это за дикая спешка такая? Торопимся сломя голову, точно на пожар. Из штаба подгоняют: давай, давай! Смотрю, сам командующий базой подключился, все что попросишь, выдают по первому требованию безо всяких бюрократических проволочек и очередей. Волшебство! Мясо-чуть ли не «мраморное», без костей, картофель – не прошлогодний проросший, а скороспелка молоденькая! А говорят, продуктов нет! Вино —нектар, чисто молдавское, не суррогат какой. Пока тебя на пирсе не увидел, думал – сам адмирал вступил в командование лодкой. Ей-богу! Куда идем? Или как обычно – пакет за семью печатями с большим-большим секретом, вскрыть в океане на глубине 250 метров! – предположил старпом с нескрываемой иронией.

Командир молча указал на щит, висевший на пирсе, на нем белыми буквами на красном фоне было написано «Болтун – находка для шпиона!» Затем, хлопнув старпома по плесу, сказал:

– Гена, друг, может, хватить мучить своего командира нескончаемыми вопросами, ты что, забыл, что я без пяти минут холостяк, у которого в холодильнике пусто, хоть шаром покати? Лучше предложи мне перекусить, у тебя камбуз, поди вовсю работает. Ей-богу, с утра крошки во рту не было. Давай, приглашай голодного отпускника в свою хлебосольную кают-компанию.

Засмеявшись, они развернулись и направились к трапу. «Варшавянка» с любовью смотрела на их стройные, ладные фигуры в черных кителях. У трапа старший помощник приотстал, остановив пробежавшего мимо пожилого запыхавшегося мичмана. Спросил тихо, вполголоса, чтобы не услышал командир:

– Саньч, ты все имущество с плавбазы переправил?

– Так точно, кажись, все, – доложил тот, переминаясь с ноги на ногу, будто всем своим видом показывая, что ему некогда.

– Кажись, или все? – Не отставал старпом. – А спасательные жилеты? Лично я их нигде на лодке не видел. Ты их проверил сам, или опять кому перепоручил?

– Бог ты мой! Геннадий Андреевич! Товарищ капитан третьего ранга! Виновен, простите ради бога, забегался я с этой спешкой сумасшедшей! Разве за всем уследишь? – Принялся оправдываться мичман, зачем-то застегивая китель по самую верхнюю пуговицу. – Не беспокойтесь, я сейчас, сейчас! Я прикажу, прикажу, мигом доставят! Проверил, самолично проверил, в сохранности жилеты, только на некоторых лампочки не горят, должно быть, от старости подсели... окаянные!

– Понятно... Ну, Саныч, не ожидал. Ты вот что, бросай все дела, задницу в горсть, но чтоб через час спасательные жилеты были на борту. Вам все понятно, товарищ старший мичман? Выполняйте!

Стемнело. Немые громады сопки нависли над городом, и он, чтобы не потеряться в темноте, осветил себя фонарями. На востоке, там, где океан, набухали водой темные тучи, явные предвестники грядущей непогоды. Кроваво-красная луна, опасливо косясь в сторону туч, предпочла обойти их стороной. Одинок сиротливый луч маяка, раз за разом пытался установить узенькую световую дорожку на гладкой поверхности моря.

Лодка скрытно выходила из бухты. Все тот же ворчливый буксир с таким же закопченным напарником, осторожно оттащили массивное туловище лодки от пирса и отбуксировали ее в открытое море. Многоопытная лодка с пониманием отнеслась к мерам предосторожности, о которых позаботились люди – она хорошо знала значение таких слов, как скрытность, военная тайна, ее неразглашение и, конечно же – шпионаж. Особенно шпионаж. Это неприятно шипящее слово, она считала самым опасным. Похоже на нее шипели жутко уродливые, заросшие водорослями морские змеи в теплых водах Филиппинского моря, вблизи острова Гуам, где она следила за передвижением неторопливого верзилы – многоцелевого авианосца «Мидуэй», ну очень опасного своими противолодочными вертолетами, оснащенными очень чуткими гидроакустическими буями и самонаводящимися торпедами. Лодка также знала, что от шпионажа происходит слово «шпион». Шпионы, которые, как и морские медузы, обитают везде и всюду, могут находиться даже в собственном штабе соединения, что очень и очень опасно, потому как куда бы ни шла лодка, ее наверняка будут там ждать не для дружеской беседы, а чтобы вцепиться в нее мертвой хваткой и утопить легко, как пустую стеклянную бутылку. И тогда, чтобы спастись, лодке придется покрутиться-повертеться, не хуже живой рыбы на горячей сковородке – так, иногда говорят люди, когда речь заходит о преодолении каких-нибудь труднопреодолимых испытаний.

Почувствовав, как ослабли швартовы, лодка увидела, что буксиры повернули в родную гавань, на их приземистых мостиках задергались теплые огоньки. Прощаются, хрипатые!

– Командир, с буксиров семафорят: «Счастливого пути! Ни пуха вам, ни пера!»

– Сигнальщик, передай: «Спасибо за работу!» И пошли их к черту!

«Катись к черту, старый ворчун! – Закричала лодка, опережая сигнальщика. – Старик, жди меня! Слышишь, жди! И запомни: я еще поживу, мы посмотрим, кого вперед на корабельное кладбище уволочут! Посмотрим!»

– Боевая тревога! Всем вниз! Проверить наличие людей! Рубочный люк задраен!

– Боцман! Ныряем на сорок!

– Есть, нырять на сорок!

– Курс двести! Скорость – пять узлов!

– Так держать!

– Есть, так держать!

– Говорит командир. Поздравляю экипаж с выходом на боевое дежурство!

Набухая водой, лодка устремилась в мрачную глубину.

8

«Надо бы картошечки подогреть, да чайку погорячей, может, сынки заглянут...» – подумала баба Маня, осторожненько прикрывая раскаленную дверцу печи. Сынками она называла воинов пограничников, день и ночь охраняющих это далекое побережье России. Старушка жалела молодых парней, в любую погоду сбивающих ноги по узеньким тропинкам над скалистыми обрывами. Пограничники частенько заглядывали «на огонек», зная, что седенькая бабулька, по ночам охраняющая сарай со старыми, вряд ли кому нужными сетями, никогда не выпустит их в ночную темень, не угостив картошкой с рыбой, не напоив горячим чаем; при этом у нее для каждого из них найдется доброе слово, отчего и служба покажется не такой тяжелой, а темная ночь будто посветлеет. «Эта бабуля – точно лучик в темном царстве!» – Так про нее однажды высказался младший сержант по имени Максим, призванный из далекого уральского городка Нижняя Салда. Грамотный был паренек, демобилизовался недавно.

«Где у меня был чай? Ага, нашла... – бормотала баба Маня, насыпая пачечный индийский чай в беленький чайничек с треснувшим носиком. – Ну, вот и готово... накроем его тряпочкой, пусть настаивается... Солдатики, поди, промокли, чаек им будет в самый раз: и согреет, и настроение подымет, поди трудно им в такую погоду службу править, ой как трудно! Сейчас только и слышно: дескать, всем трудно. Трудно, кто же спорит, но при чем здесь солдатики, чем они-то перед страной провинились, коль их на голодный паек посадили? Как-то неправильно это, у нас всегда армию и любили, и почитали потому как – все мужики из рода в род, в армии служили. И это действительно так – все служили: и прапрадеды, и прадеды наши, и деды, и отцы, и мужья с сыновьями; служили верой-правдой и царю батюшке, и советской власти служили, и нынешнему президенту служат, хотя и говорят, будто он горький пьяница. Всем властям служили, за всех буйные головушки ложили, живота своего не щадили. Всякое, конечно было, однако такого наплевательского отношения к своей армии, что-то не припоминается... – размышляя, баба Маня, кажется, забыла и про чай, и про картофель на печке. – Вот пусть кто мне в глаза ответит: можно ли голодному воину службу править? Конечно, и такие найдутся, кто скажут: «да, можно». Да вы мне хоть кол на голове тешите, я все равно не поверю, а прямо скажу: такого быть не может! Такое в голове не укладывается! И это не пустой трезвон.

В прошлом годе, к примеру, у нас в поселке случилась такая напасть: кто-то стал постоянно картошку выкапывать с наших огородов. Придешь утречком, глянешь – и сердечко от боли зайдет: огород наполовину выкопан! Остается только за голову хвататься: кто-о?! кто посмел?! На городских валили, только они на своих дорогущих джипах могут так пошалить, больше никому. А с другой стороны, эти на джипах все больше при деньгах, зачем им наши огороды грабить, разве что фулиганства ради? От безделья озорничают? Им бы лучше башкой своей подумать: кто нынче эти самые огороды сажает? В основном, только одни пенсионеры, которым, ох как нелегко на пенсию прожить. Вот и копаются старики да старухи на своих крохотных сотках-наделах; молодежь предпочитает продукты в магазинах покупать. Может, это и правильно: почему бы и не купить, раз у тебя деньги имеются, а с другой стороны: а если у тебя их нет? Такая вот хитрая арифметика получается. Вот потому-то и приходится на старости лет в прямом смысле пахать. На себе пахать – лошадей-то сейчас ни у кого нет. Ведь мало сказать: я огород имею – его ведь надо еще вскопать, посадить, прополоть, окучить. Ой, да что там говорить, на этом огороде все жилы вытянешь, пока молоденький картофель попробуешь. А вот тут еще вопрос: а попробуешь ли ты его вообще, не «помогут» ли тебе выкопать «люди добрые»? Точно, помогли! Все выкопали, с корнями вырвали, ножищами перетоптали: и твою любимую «синеглазку», и розовую, и желтенькую... шут их заberi! Ну как тут за сердечко не схватиться, давление-то, поди, за двести скакнуло. И в мыслях одно: кто мог?! Ироды! Креста на них нет! Поймать! башку отрубить! в море утопить! Народ шибко рассердился, сго-

ворился караулы в кустиках выставить, с ружьями-вилами затаиться, однако тех воров, кровь из носа, но поймать и судить. Самим судить.

И что вы думаете, на третий день воров словили! И ворами-то оказались, кто бы вы думали – солдатики с ракетной части, что недалеко от нас стоит, как раз под сопкой. Те-кто нас защищает-обороняет от врагов. Кто бы мог на них подумать, на защитников своих? Да это просто уму непостижимо! Двое! Стоят бедолаги, слышно, как от страха зубками постукивают, тельцами тощенькими трясутся под наставленными на них ружьями да вилами мужицкими. И видно, что страшно служивым, ой как страшно! Я обратила внимание, что шейки у них тонюсенькие, кажется надень им на голову каски-отвалятся шейки. А форма солдатская при свете фонарей грязная-грязная и болтается на них, будто на вешалке. Стоят, личиками виноватыми так и зыркают, и зыркают по сторонам, чисто волчата в капкан угодившие. Мальчишки, ну как есть мальчишки!

Мужики-то наши сгоряча, уже и бить их намахнулись... Один солдатик вдруг, возьми да заплачь громко, да навзрыд, да сопли по лицу размазывая. А личико его сморщилось, как у пятилетнего обиженного ребенка; всхлипывает он, просит, умоляет: «Дядечки родненькие, миленькие! Простите нас, мы больше не будем... просто кушать сильно захотелось... старослужащие послали нас... мы больше не будем...» О, Матерь Божья! Прямо детский сад! Мужики наши все в годах, в жизни много чего повидавшие – руки опустили, матюгнулись крепенько и в душу, и в мать. Гляжу я на них и не узнаю: вроде как стыдно им, словно это они в чем-то провинились перед этими голодными ребятишками. Опосля я их спрашивала об этом – плечами пожимали, дескать, ничего путного по этому поводу объяснить не могут, стыдно стало – и все тут. Отпустили тех ребятишек воровитых, вместе с выкопанной ими картошкой отпустили: господь с ней! пусть солдатики кушают на здоровье, силушку набирают для защиты нашей. Правда, наказ дали больше не воровать. В этом году пока, бог миловал.

А я до сих пор думаю: почему это нашим мужикам должно быть стыдно? Нашим, а не красноштанном да большезвездным генералам армейским? С какой это такой стати? Неужно наши генералы такие слепые и ничегошеньки не видят, особенно как солдатам голодно служится? Ой ли! Все они знают и видят, просто равнодушие давно уже разъело их душонки, как тля зеленая – мою капусту. Против тли я настойку с крапивой или табачком применю, а вот чем генеральское равнодушие одолеть – того я знать не знаю и не ведаю. Сидят они, где-то там у себя наверху, штанишки протирают, должно быть, зарплату хорошую получают и в ус себе не дуют, и ничегошеньки для солдатиков не делают. Эх, была бы моя воля, я бы их... Ох, боже ты мой! Никак, картошка моя подгорела? Вот раззява!»

Баба Маня схватила голыми руками раскаленную кастрюлю и, взвизгнув, и обжигая пальцы быстренько отодвинула ее на край печи. Затем тонкой стороной ложки убрала крышку кастрюли – горячий пар устремился в потолок, вмиг запотели и лампа, и окно. Постояла, подумала, что делать с картошкой: то ли оставить ее круглой, то ли истолочь. Решила истолочь – круглая уж больно для рта сухая. Влив в кастрюлю подсолнечное масло из бутылки, старушка деревянной толкушкой принялась мять круглый картофель, превращая его в мягкое пюре. Толкла, продолжая разговаривать сама с собой:

«Точно, раззява! За одной кастрюлей не усмотрела, едва не спалила картоху! А еще генералов осуждаю. У генерала поди целая армия солдат, и за каждым глаз да глаз нужен, ведь их и одеть надобно, и обуть, и накормить-напоить, и воевать научить умело, чтобы он с войны с победой возвращался. Кто-то, может, и скажет: тебе что, карга старая, больше всех надобно, чего ты так и норовишь за генералов думать? Они, чай, академии заканчивали, а кто ты такая? А я этим злопыхателям так отвечу: больше – не больше, а солдатики-то свои, не чужие, как же о них не думать? Тяжело сейчас всему народу нашему, тяжело и солдатам нашим. Вот такой пример приведу.

Недавно ко мне забежали офицерики из той самой части, что рядышком стоит, нас своими ракетами защищает. Сколько помню, эта часть всегда на этом месте стояла – сначала с пушками, их еще зенитками называли, опосля – уже с ракетами. Бывало, зенитки как начнут в небо пулять – у нас стекла с окон вылетали, сейчас ракету выпустят – ажно поселок трясется, и все дымом заволакивает. Сначала страшно было, опосля – ничего, пообвыкли. Я как на пенсию вышла – а вышла, когда мне уже было за семьдесят, – так эти молоденькие офицерики, которые холостые, повадились ко мне бельишко для постирушки носить за небольшую плату или за пару банок тушенки. Тогда тушенка, ой какая вкусная да пахучая была! Несладко им тут служилось в отдаленности у моря холодного, в тайге бескрайней, в климате суровом без мамочек родненьких, без ласковых женских рук, без теплого семейного уюта. Сразу после училища военного – и сюда, в в сопки, в тайгу, в глухомань.

Так вот, принесли они, как обычно бельишко, сидят, чай с брусничным вареньем попивают. Обычно шумные, веселые, а тут заметила – не шибко. «Робятки, – спрашиваю я, как обычно называя их „робятками“, – пошто головушки повесили, случилось что?» – «Случилось, баб Мань, – отвечают кисло. – Расформировывают нас, не нужны мы стране». – «Ой, робятки, да что вы такое говорите?! – запричитала я. – Как без вас можно?» – «Получается, можно, – развели они ручками. – Сокращают армию, говорят, сейчас у нас врагов нет». – «Как же нет? А эти – мериканцы? Они вон что по телевизору вытворяют, прямо беда!» – «Не противники они нам больше – наилучшие друзья», – сообщают офицерики. «Так нам и Гитлера, помню, велели лучшим другом называть, запрещали о нем плохое говорить. А этот... ну, который совсем рядом... Мао Цзедун, вот! Этот нам как родной брат был. А что из всей этой дружбы вышло, знаете?» – «Знаем! – ответили дружно. – Баб Мань, ты в правильном направлении мыслишь, тебя бы к нам замполитом!» Смеются, служивые. «И куда вы теперича пойдете?» – не отстаю, допытываюсь я. – «Страна большая, – отвечают вроде как беззаботно, но чую – с горечью. – В банкиры подадимся... или в дворники с метлами». Невозмутимые робятки, веселые, прямо красавцы, дай бог им счастья и здоровья, и жен толковых да любящих! Ушли мои офицерики, а я долго еще не могла успокоиться. Бог ты мой, думаю, чего только на моем веку не было, чего только не валилось на голову нашей армии. Тут вам и демобилизации, и расформирования, и разоружение! Как новый руководитель, так какое-то новшество, да ладно бы в хорошую сторону – так нет же, все куда-то... в кювет, вот! Помню, при Сталине что-то было? А-а, демобилизации! Ну, это для страны нужное было дело – война закончилась, надо было восстанавливать разрушенное. А вот опосля, уже и не знаю, была ли нужда во всех этих разоружениях? Волна за волной. Дай бог памяти, при Хрущеве разоружились. До сих пор помню, везде красные транспаранты висели с надписью: «Сократим Советскую Армию на миллион!» Опосля, кажется, еще на два или три. Сократили, правда говорили, будто бы поторопились. А Мишка Горбатый – тот прямо ужас какое разоружение затеял... шут его забори! Сейчас вот Бориска разоружается. Этот вообще, бог знает что вытворяет! Ну, никак не идет нам учеба впрок, хоть в лепешку расшибись – не идет! Только и учимся, что на своих собственных ошибках да ошибках! А опосля локти кусаем, кого-то обвиняем, виновных ищем – находим. Сейчас разоружаемся, опосля как бы нагонять не пришлось. Ой, боюсь, придется!

Нет, это надо же такое придумать – мериканцы нам друзья. Скажут тоже... Может, мои офицерики пошутили, ну какие они нам друзья. Собачья дружба известна – до первой кости. Как бы нам не пришлось с такой дружбой ручки-ножки сложить. Раньше, когда наши самолеты над головой гудели, когда корабли мимо проходили, а ракетами пуляли так, что земля тряслась, мы себя чувствовали как-то поспокойнее. А нонче тишина не радует-пугает, непривычны мы к ней, она нам мысли о войне навеивает... будь она проклята!

И в тоже время, а что если и вправду наши руководители с мериканцами замирились? Дай-то бог! Пора бы уже поставить точку на этих войнах. Пора, да вот никак не получается. После первой войны думали – второй уже не будет, после второй – третьей точно не видать!

А войны все не прекращаются... Сейчас даже не верится, что они прекратятся. А тут нате вам – замирились они. Как бы не так – корова с волком тоже мирилась, однако домой не воротилась. Как телевизор ни включишь: мериканцы всех подряд бомбят и ни на кого не глядят, мол, мы самые сильные, нам никто не указ. И правда, нет на них никакой управы. А ведь и говорят, и показывают, как хорошо и богато они живут. Значит, чего-то им для полной жизни не хватает, раз не сидится на одном месте, точно кто-то им шило всадил в задницу со всего маха. Что-что, землицы им не хватает, которой у нас с избытком! А что, возьмут мериканцы, да и к нам приплывут, кто знает, что у них на уме? Узнают, что наших военных здесь уже нет: и у нас объявятся, чем черт не шутит! Ступят на эту нашу землю и все-все, что у нас есть заберут: и картошку с подпола, и рыбу в бочках, и капусту квашеную, и даже сухари на черный день припасенные – и те отберут, не говоря уже о скарбе домашнем. А вот интересно, старые сети конфискуют в свою пользу или не возьмут? Думаю, не возьмут – сейчас сети большие, капроновые, крепкие сети, теперь их не надо, как раньше, смолить, сушить...»

Продолжая рассуждать, баба Маня сняла с вешалки старенькую телогрейку и добавочно прикрыла ею и кастрюлю, и чайник – тепло подольше задержится. Затем, протерев тряпкой запотевшее стекло, подставив ладонь к глазам, взгляделась в заливаемое дождем окно. Видимость почти никакая: слева, там, где море, ничегошеньки не видать, справа – едва уловимо глазу темнеет сарай с сетями. Вроде, никто не посягает на бывшую государственную собственность, вдруг ставшую ненужной. Не посягает – и слава богу. Выпрямившись, баба Маня опять задумалась.

«Ну что тут скажешь, трудновато нам придется, если военных от нас уберут. Во-первых, военные – это защита, а во-вторых, они нам всегда помогали. Взять хотя бы время, когда горбуша на нерест идет. Ой, да какой там идет, бывает год, когда она валом прет, туча тучей, как угорелая несется. Упрется всей массой в ловушке или садке – и ни туды и ни сюды, пушкой не пробьешь, не сдвинешь. Пытаемся, тянем-тянем сети, все жилы из себя вытянешь, да разве такую махину одолеешь. Недолго думаю, бегу на поклон к военным, дескать, помогите, служивые. Спасибо ихнему командиру, никогда не отказывал – даст с десятков ребят покрепче, они и сети с рыбой вытянут, и кунгас рыбой набьют по самые борта. Понятное дело, мы не только военным «спасибо» говорим, но и отблагодарим их свеженькой рыбкой. Подгонят они свою машину, набросают в кузов рыбы, сколько им надо: и на ушицу свеженькую солдатакам, и на зимнюю засолку – и все при своих интересах оставались. Раньше-то мы два невода ставили, два большущих ставных невода. А сейчас один ставят, да и тот с трудом, потому как мало желающих на нем горбатиться; да и рыба не каждый год идет, а если и идет, то в малых количествах, даже квоты не выбирают. Ну, что это сейчас за рыбалка? Пенсионеры по своему возрасту не могут ударно работать, а молодежь не желает в соленой воде руки портить, да спины срывать – она все больше к городу жметяся. Может, это и хорошо для людей, может, так и надо, но откуда рыба появится на столах российских, да еще дешевая? С Китая аль с Японии? Не дело это...

Нет, раньше все намного проще было: поставили мы невода, поймали много рыбы, сдали ее на рыбокомбинат, получили хорошую денежку, к следующей путине готовимся, сети шьем-вяжем-смолим-сушим, короче – без дела не сидели. Нонче же, какое-то дурное время. Квоты, разрешения, лицензии и еще бог знает что, надо приобрести. И везде: деньги, деньги, деньги! А проверяющих развелось – хоть пруд пруди! Нет, правда – и счета им нет! И всем «на лапу» дай! Еще и рыбу не поймали, а им уже дай! Ну куда это годится? А если, к примеру, и поймали рыбу – много поймали, а что дальше-то? Тот еще хитрющий вопрос. Рыбу сейчас еще и продать надобно, и не просто продать, а с выгодой для себя продать. А что для этого надо – уметь торговать, вот что. Дело это, ой какое непростое! Кто меня учил торговать? Советская Власть? Да никто не учил. Советская Власть все мои заботы на себя брала. А сейчас, когда ее нет, я чувствую себя сиротой брошенной. А раз так, то и получается, что невозможно мне в нынешнее

время работать и жить вольготно. Другое время – люди другие появились, не наши —бывшие наши, теперь – чужие, те, которые умеют торговать, для которых торговля – дом родной.

Как только у нас пойдет первая рыба, так сразу из города, будто воронье, налетаю эти самые людишки, которых называют перекупщиками. Из бывших, однако ведут себя, как хозяйка. «Центнер лосося, – предложат не мирно, почти прикажут. – Тридцатка! Не отдадите за тридцать, за бесплатно пропадет!» Известное дело, лосось – продукт нежный, хрупкий, недолговечный. Час на солнце полежит – и уже сорт ниже, и цена на уменьшение идет, падает цена. И вот что интересно. В город поедешь, по аркам да закоулкам пройдешься и диву даешься: один небольшой лосось у браконьеров, весом в полкило – двести пятьдесят, а то и триста рублей! Это в начале путины, а в конце можно и за двадцать купить, но это уже не полноценная рыба – развалина разноцветная. Нет, вы только сравните: на улице за штуку просят триста рублей! а нам тридцатку предлагают за центнер! За сто кило свежей, только что выловленной горбуши! Это же чистой воды грабеж, обдираловка это! Вот вам и нынешняя рыбалка! Продал – не продал! Приходится рыбаку крутиться-вертеться, будто рыбке, в сети пойманной. Тут уж как кому повезет: или ты при деньгах останешься или с носом, то есть – ни с чем. В позапрошлом году мы с носом остались – у нас со склада-холодильника (глубокий подвал, где лед вперемешку с опилками) все бочки с рыбой подчистую выгребли. Соленая рыба в бочках чем хороша? Хранится долго, не пропадет. Ищи хорошего покупателя, торгуйся себе в выгоду, и сколько угодно времени. И вот эту соленую в бочках рыбу у нас всю уперли. Подъехали ночью на машинах, сторожу чем-то гадким в глаза пыхнули, связали бедолагу и опустошили склад, все вывезли: и горбушу соленую, и икру красную, и даже бочку прошлогодней сельди, кем-то оставленную для удобрения огорода. Да чтоб им подавиться той уворованной рыбой! Иродовы души! Весь поселок под зиму без денег оставили! И какая только их мать родила?! Да они хуже заморских мериканцев, те далеко, и еще неизвестно, приплывут ли, а наши грабители – вот они, под боком, в городе! Выродки! Наверное, продали нашу уворованную рыбу, приобрели дорогущих машин да магазинов, ходят животики поглаживают да себя расхваливают: ах, какие мы умные, ловкие да удачливые, прямо спасу нет! Милиция их не ищет, а значит, никто не наказан, живут на наворованное безбедно, спокойненько и в ус не дуют, да еще и других поучают: дескать, грешно завидовать. А главное – смотрят, где бы еще что украсть. И ведь находят! А если не украдут, то силой отберут, за ними не заржавеет, уж это мы на себе испытали.

Уже после кражи соленой рыбы (милиция, вроде, дело завела, но на том и остановилась), перед самым ходом рыбы, в начале июля прошлого года, глядим – кто-то к нам приехал на двух черных блестящих машинах похожих на беременных китов, выброшенных на берег. Из них вышли молодые парни, все как на подбор мордатые, в дорогих костюмах одного цвета – то ли малинового, то ли бордового. И все чего-то жуют, жую – и на нас глядят, вроде как нахально. А мы народ-то известно – любопытный, окружили машины, разглядываем их, переговариваемся. «Нам нужна ваша рыба!» – сходу заявляют приезжие. Так прямо и сказали. Ну это и понятно – рыба нужна всем. А Васька Егоров так и сказал: «Нужна рыба – будет вам рыба! Если, конечно, хорошо заплатите». Краснорожие приезжие с таким удивлением на него уставились, будто Васька потребовал у них джип для себя. Переглянулись, усмехнулись и говорят: «Мужик, ты чо бакланишь? Или чаво недопонял? Для особо тупых еще раз объясняем: нам нужна ваша рыба, потому как мы, с настоящего момента, есть ваша защита. За это, вы нам будете отдавать... э-э пять тонн свежей рыбы и два стокилограммовых бочонка с икрой летом, ну и десять бочек соленой рыбы – зимой. Но учтите, бочка – двести кило. И успокойтесь, все будет по закону, мы заключим с вами договор об оказании охранных услуг. Позднее наш юрист привезет вам договор на подпись. Мы оставим вам свой телефончик и, если кто на вас накатит, в смысле – нападет, звоните – поможем. Ну, а если вы не согласитесь на наши условия, обуем всех». Мужики наши, поначалу действительно чего-то недопоняли, тот же Васька

выдвигает наши условия: «Не-а, братцы, на бесплатно мы не согласны. Будут деньги – будет вам рыба. А за обувку спасибо, мы бы от резиновых сапог не отказались». Приезжие, вроде бы как поначалу развеселились, опосля выхватили черные пистолеты и на сельчан их наставили. «Вы что, придурки! – орут слюняво. – Вы на кого кипешь гоните? Как миленькие платить будете! Откажетесь – поймете море проблем! Срок вам – три дня!» Сели в свои машины-коровы и укатили пыльно. Только тут и дошло до мужиков, что дело заварилось сурьезное, порохом запало. Враз закричали все, руками замахали, вслед уехавшим матерно выругались; ну, это дело известное – после рати все герои. Хотя, с другой стороны, было бы глупо на наганы бросаться, должно быть, этим бандюганам в человека пальнуть – что муху прихлопнуть. Покричал народ, погорлопанил, поспорил, решил к властям обратиться, мол, власть – она везде власть. Поехали в город, в милицию: так, мол, и так, помогите, господа хорошие! Мы и номера машин бандитских переписали, ловите их. Милиция в крик. «Вы что тут дурью маетесь? Живете хрен знает где! Да кому вы нужны! Тут преступность заела, и вы туда же! Может, у вас еще пост поставить с автоматом? Звоните, если что...» Вот и весь разговор. Наверное, впервые мужики вернулись из города трезвые и злые. Уселись на завалинку, думу думают, как поселок от бандюг оборонить. Порешили, страшно подумать что: достать ружья, у кого есть, зарядить их крупной дробью, как на медведя, и встретить «дорогих гостей». Хорошо еще, что они мне сообщили свой план обороны поселка. Я выслушала их и за голову схватилась, испугалась я. «Вы что надумали?! – криком кричу. – Это какая бойня может начаться?! Тут и до смертоубийства недалеко! В тюрьму захотели, да?!» Молчат мои мужики, с ноги на ногу переминаются. Короче, отклонила я их план, свой предложила. Несогласие свое они не высказали, покрутили носом и согласились. А я напрямиком направилась к командиру воинской части. Майор принял меня, как хорошую знакомую, горький кофе предложил, внимательно выслушал мой план и, хитро улыбнувшись, только и сказал: «Баб Мань, тебе бы в разведку ГРУ». Ей-богу, до сих пор не знаю, что такое ГРУ, однако уже на следующий день солдатики перекрыли въезд к нам в поселок полосатыми шлагбаумами с пугающей надписью: «Внимание – военный объект! Ракетные пуски! Въезд строго по пропускам! Часовой открывает огонь без предупреждения!». И, даже будку на колесах прикатили, а в ней часовые жили; их еще «партизанами» обзывали, ну те – которые в годах, на переподготовке. Опосля они рассказывали, что приезжали какие-то модно одетые мужики на крутых тачках, но прочитав надпись и, видя часовых с автоматами, быстренько уехали восвояси. Поселок наш успокоился. Немного погодя пост сняли, потому как «партизаны» по домам разъехались, а шлагбаум с надписью до сих пор пугает посторонних. А мужики наши, издали заметив приезжую машину, враз за ружья хватаются, дескать, береженого бог бережет. Теперича, я больше боюсь, как бы они по пьяни друг дружку не постреляли, ведь для мужика ружье, что дитю малому – игрушка. Думала, конфисковать, так не отдадут же без боя, начнут орать: «Не имеешь права! Это частная собственность!» Нахватались словечек... балаболы! А ни у одного разрешающего документа на ружье нет... шут их заберите! Ладно, пока бог миловал, пусть потешатся...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.